

ВОЛОЖТАЯ
МЕТКА

Альберт Иванов

ВЕЛИКАЯ ТАИНА

Хомы и Суслика

ВОЛОЧКА

Альберт Иванов

ВЕЛИКАЯ ТАИНА

Хомы и Суслика

Минская фабрика цветной печати
1998

УДК 882-93
ББК 84(2Рос-Рус)6
И 20

Художник *Е. Грубина*

ISBN 985-6008-77-8

© Минская фабрика цветной печати, 1998
© Издательство ООО «Мет», 1998
© А. Иванов, 1998
© Оформление. Е. Грубина, 1998

КАК ХОМА И СУСЛИК У ЗАЙЦА НОЧЕВАЛИ

Однажды... Но начнём с самого начала.

Зимой было так много снега и ручей весной набрал такую силу, что половодье затопило норы хомяка Хома и его лучшего друга Суслика.

Пришлось переселиться к Зайцу в нору. Вообще-то у зайцев нор не бывает. Но эта ему от старого Барсука досталась. А сам Барсук, наверно, достался Волку. Вот и занял Заяц-толстун свободную нору по случаю.

Сперва Заяц очень обрадовался, когда вдруг появились к нему под вечер Хома и Суслик. Он уже слышал о постигшей их беде.

— Я всю жизнь мечтал жить с друзьями вместе! — воскликнул он и пожаловался: — Вам, конечно, известно, что барсуки — немыслимые чистюли. А мне одному поддерживать чистоту в такой большой норе уже невмочь. Очень рассчитываю на вашу помощь.

Хома и Суслик обречённо переглянулись.

— Прошу, располагайтесь, — церемонно предложил Заяц-толстун.

Нора и впрямь была необыкновенно чистая. Ни соринки. У стены чинно стояли три веника и метла.

Суслик тут же на глазах изумлённого хозяина соорудил себе постель из трёх веников и прилёг отдохнуть.

Хома с сомнением поглядел на жёсткую метлу и направился к пышной постели Зайца. Она заманчиво пахла нежным покоем мягкого сена.

Заяц поспешно растопырил лапы, преграждая путь.

— Здесь я сплю, — жалобно сказал он.

— Знаю. Я себе немножко сенца возьму.

Заяц беспомощно опустил лапы.

Хома сгрёб охапку сена, прихватив добрую половину Заячьей постели, и отнёс в другой угол. За ним протянулась дорожка мелкой травяной шелухи.

Не говоря ни слова, Хома выдернул один веник из-под задремавшего Суслика. Заботливо смёл травяной сор в изголовье Заячьей постели. А затем вновь ловко вдел веник под Суслика.

Тот даже не шелохнулся. Он уже громко храпел.

— Намаялся бедняга, — пожалел Хома лучшего друга. — Его раньше меня затопило, — обернулся он к Зайцу.

— И он так всегда... храпит? — упавшим голосом спросил Заяц.

— Так? Что ты! Обычно он носом свистит во сне, — сказал Хома, удобно устраиваясь в своём углу. — Ужин можешь не готовить, — протяжно зевнул он, — мы так умаялись, не до этого. Не беспокойся, завтра мы своё живо на-верстаем.

И закрыл глаза.

— Хома, а Хома, — шёпотом окликнул его Заяц, — а носом он сильно свистит?

— Смотря что приснится, — сонно ответил Хома, переворачиваясь на другой бок. — Самое страшное, когда он не свистит.

— П-почему? — перехватило у Зайца дыхание.

— Тогда ему либо Волк, либо Лиса снится.

— Ну и пусть. Чего такого? — отлегло на сердце у хозяина. — Лишь бы не свистел.

— Плохо ты его знаешь, — даже привстал Хома. — Если ему приснится Лиса, он вскакивает как очумелый и вопит: «Лиса-а!»

— А если... Волк? — вконец притих Заяц.

— Тогда он вскакивает и орёт: «Во-о-олк!»

— В хорошенькую компанию я попал, — пробормотал Заяц-толстун.

— И я так считаю, — доверчиво согласился Хома. — Втроём нам никто не страшен. Если Волк вдруг полезет нору разрывать, враз напугаем. Завоем втроём: «У-у-у-у!» — грозно взвыл Хома.

— Во-о-олк! — страшным голосом закричал вскочивший Суслик.

— Спи, дурашка, спи, — ласково сказал Хома.

Суслик постоял, покачиваясь, с закрытыми глазами и снова рухнул на веники.

Уши у Зайца встали дыбом. Он попытался их пригладить, но они упорно торчали, как рога.

— Слышишь? — кивнул Хома на спящего Суслика. — И не храпит, и не свистит. Сейчас начнётся.

— Лиса-а! — жутко вскричал вскочивший Суслик.

— Спи! — скомандовал Хома.

Суслик опять постоял, покачиваясь, с закрытыми глазами и снова рухнул.

— Ему лечиться надо, — мрачно сказал Заяц.

— Где? — хмыкнул Хома. — И у кого?.. Жизнь такая. Всюду жизнь, — пробормотал он, снова укладываясь. — И ты ложись. Больше Суслик не будет, — пообещал он. — Проверено. Два раза достаточно.

— И давно это у него началось? — поуспокоился Заяц.

Суслик тихо и мирно засвистел носом.

— Ты про свист? — спросил Хома.

— Я про Лису и Волка, — прилёг наконец и Заяц.

— Его недавно случайная кошка в роще напугала. С тех пор и кричит во сне то «Волк!», то «Лиса!»

— Странно...

— Ты тоже это заметил? — удивлённо сказал Хома. — А я думал, что только мне это странным кажется. Знаешь, у каждого свои причуды. У всех.

— У меня их нет, — буркнул Заяц-толстун.

— Не рассказывай сказки.

— Какие сказки? Я ни одной не знаю, — возразил Заяц. — И никаких причуд у меня нет. Ну, назови хоть одну! — потребовал он. Вероятно, на правах хозяина.

— Целых две могу с ходу назвать. Зайцы в норах не живут, а ты живёшь.

— Где же две-то? — насупился Заяц-толстун.

— Первая — зайцы не живут в норах. Вторая — а ты живёшь. Мало? Могу и третью твою причуду назвать.

— Третьей ты от меня не дождёшься, — оскорбился Заяц.

— По ночам все спят, а ты болтаешь, — уже засыпая, проворчал Хома, — другим спать не даёшь...

Промолчал Заяц. С Хомой лучше не спорить. Положил Заяц одно ухо под голову, другим — глаза прикрыл.

И всё равно не спится. Суслик носом во сне свистит. А вдруг опять перестанет?.. Мало ли что Хома за него, Суслика, пообещал!

Хома внезапно сел на постели.

— Ты чего? — поднял голову Заяц. Хоть глаза ухом прикрыты, а всё видит.

— На новом месте всегда не спится, — загрустил Хома. — Дома лучше. Конечно, ты красиво сказал о жизни с друзьями. Но ты не прав.

— Не прав, — мигом согласился Заяц-толстун. — Ты прав, что я не прав. Твоя правда.

— Моя или твоя, — вновь решительно лёг Хома, — а спать надо. Завтра трудный день. Нам с Сусликом надо две новые норы вырыть. Повыше и посуше. Дел невпроворот. Думаю, недели за две управимся.

И Хома тоже сладко захрапел, как Суслик вначале.

«Две недели?!» — ужаснулся про себя Заяц-толстун.

Развесив уши, он послушал-послушал густой храп Хома и переливчатый свист Суслика, встал и тихонько, на цыпочках, вышел из норы.

Утром взглянули на хозяина Хома и Суслик. И поразились. Был Заяц-толстун, а стал Заяц-тощун. Куда что делось!

— Что с тобой? — испугались друзья. — Приснилось страшное?

— Не очень. Приснилось, что я всю ночь работал, — криво улыбнулся Заяц. — Копал всю ночь.

— Весёленькое дело, — покрутил головой Суслик. — А мне всю ночь снились...

— Не надо, — в один голос сказали Хома и Заяц.

А какой обильный завтрак им Заяц приготовил: сочная морковь, свежая капуста, очищенные орехи!

Хома и Суслик с трудом отвалились от стола, поглаживая животы.

— После такого завтрака... — протяжно зевнул Хома.

Но Заяц не дал ему договорить.

— Идёмте, — быстро сказал он, — я вам кое-что покажу.

Пришлось пойти. Уж очень вид у него был загадочный. Да и не хотелось хозяина обижать. Им ещё жить у него недели две. А с такими завтраками и целого месяца мало!

Вышли они из норы. А неподалёку на пригорке два холмика свежерытой земли виднеются.

— Живите на здоровье! — ликующе махнул туда лапой Заяц.

— Как это понимать? — нахмурился Суслик. — Рано нас хоронишь.

— Да вы поглядите! — разобиделся Заяц.

Суслик и Хома, пожав плечами, поднялись на пригорок.

Но что это? Там были вырыты две новёхонькие норы.
Загляденье!

— Всю ночь копал, — похвастался Заяц.

— И Волка с Лисой не испугался? — ахнул Суслик.

— Да что мне Волк с Лисой! Лишь бы вам было хорошо!

— Как же тебе удалось?.. — не верил глазам своим Хома.

— Передними лапами копал, задними — землю выбрасывал. У меня задние лапы почти вдвое длинней.

— Теперь понятно, почему ты похудел, — догадался Хома.

А Суслик крепко обнял и расцеловал Зайца:

— Вот что значит настоящая дружба!

— Нет, так дело не пойдёт, — неожиданно сказал Хома.

Заяц испуганно попятился к своей норе.

— Таким мы тебя и знать не хотим, — продолжал Хома. — Мы тебя... откормим!

И откормили.

Целыми днями по лугу и полю шныряли, еду добывали. И завалили всю нору Зайца всякими вкусными припасами.

И вскоре снова стал Заяц прежним толстуном. Таким, каким они его и знали. Каким и любили.

Да и сам Заяц забыл, ради чего той ночью старался. Он ликовал больше всех!

Теперь они по-прежнему часто ходят друг к другу в гости. Желанный гость — подарок хозяину.

КАК ХОМА К ВОЛКУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ХОДИЛ

Высунулся как-то рано утром Хома из норы. Огляделся, нет ли какой опасности.

И нате вам — Волк! Правда, он далековато стоял. На холме. Опасность, но далёкая.

— Эй, Хома! — окликнул Волк. — У меня сегодня день рождения!

— С чем и поздравляю, — буркнул Хома.

— Чего? Не слышно.

— Поздравляю! — крикнул Хома. На всякий случай. Попробуй не поздравь!

— Вечером поздравлять будешь, — отозвался Волк, — когда ко мне в гости придёшь. Я тебя приглашаю.

Вот беда!

— А Суслика приглашаешь? — перепугался Хома. Вдвоём-то пойти не так страшно.

— Ну его! — прохрипел Волк. — Он тощий. — И спохватился: — Недостоин он такой чести — ко мне в гости ходить. Рылом не вышел!

Тут и Суслик высунул голову из норы по соседству с Хомой. Прислушивается.

— А если я не пойду? — громко пропищал Хома.

— Что? — рявкнул Волк. — Унизить меня хочешь? Да я тогда каждый день буду твою нору холодной водой заливать. Замёрзнешь, враз прибежишь! Без особого приглашения.

А сам жадно озирается по сторонам, словно выбирая, кого бы ещё пригласить поупитанней. Хорошо, что Зайца-толстуна нигде не было видно.

— Значит, вечером. Как только луна взойдёт. Прошу не опаздывать! — гаркнул Волк.

И побежал дальше. Наверняка, других гостей высматривать. Достойных.

— Ой, Хома, — посочувствовал ему Суслик, — как же ты теперь?

— Не пойду, и всё, — храбро расстраивался Хома.

— Нору водой зальёт. Слышал?

— А я запасную нору вырою.

— И ту зальёт.

— А я — ещё одну, — не сдавался Хома.

— Да хоть десять, — твердил Суслик. — Всё равно один конец. Конец тогда, хоть в воду!

— Хватит тебе про воду бубнить. Слышать про неё не хочу! — взмолился Хома. — Тебе-то что, ты рылом не вышел, а мне так на так пропадать.

И скрылся в норе. Лёг там на свой соломенный тюфячок, лапы на груди скрестил и не мигая в потолок уставился.

Суслик пришёл. Сел потихоньку в уголке и тяжело вздохнул.

— Горе-то какое! Горе! — вдруг истошно вскричал он, взглянув на Хому.

Хома чуть с постели не упал.

— Ты что?

— Ох! — вздрогнул Суслик. — А я уже было подумал, что ты со страху того...

— Чего — того? Не дождётесь от меня этого «того»! — храбрился Хома. — А если ты завтра пойдёшь и скажешь, что я заболел? — с надеждой спросил он.

— Не поверит Волк, — возразил Суслик и внезапно оживился. — Но мысль твоя про болезнь — здравая.

— Ну-ка, ну-ка? — приободрился Хома. — Выкладывай.

Суслик придвинулся к нему и зашептал что-то на ухо.

Были у Хома глаза темнее тучи, но вскоре прояснились.

— Думаешь, поможет?

— Уверен.

Выскочил Суслик наружу и быстро вернулся с каким-то зелёным стручком.

— Дикий перец! — гордо сообщил он.

— А Волк не подумает, что я со своей приправой пришёл? — всё-таки сомневался Хома.

— Не подумает. Ты стручок до поры до времени в кулаке спрячь.

— А может, всё же не ходить? — отрешённо вымолвил Хома.

— Сходи. А не то он со злости не только твою нору, но и мою затопит, — озабоченно произнёс Суслик.

— Пропадать так вместе, — горько усмехнулся Хома.

— Да я и так пропаду, — опечалился Суслик. — Если тебя не будет, с тоски зачахну.

Хома, сомневаясь, поглядел на лучшего друга и ничего не сказал. Не проверишь ведь, если тебя и впрямь не будет. А в общем-то от Суслика всего ожидать можно. Возьмёт вдруг и зачахнет сдуру.

До самого вечера Хома убеждал себя, что, может, всё и обойдётся. Может, Волк его без всякой зловещей мысли пригласил? Может, из уважения?

Но в такое с трудом верилось. Тогда бы у Волка нечаянно не вырвалось, что Суслик — тощий. Разве гостей по толщине выбирают?!

Нет, от Волка ничего хорошего не жди. Придётся идти, но во всеоружии: со стручком перца в кулаке.

Стемнело. Круглая холодная луна появилась над макушкой одинокой берёзы на лугу, как будто выросла прямо из неё.

Пора...

Чёрная роща, словно крепость, высилась на краю луга зубчатой стеной.

Еле волоча слабеющие ноги, приплёлся Хома к Волку. В его логово.

— Ну, наконец-то! — прорычал Волк, поднимаясь из-за обширного пня, заменяющего стол. — Заждались!

И со скрежетом потёр когтистые лапы.

Хома задрожал с головы до пят. Мелкой и крупной дрожью. Одновременно.

— А где... другие гости? — пролепетал он.

— Позже подойдут. Всё равно всем не достанется, — Волк закрыл лапой пасть, чтобы не сболтнуть лишнего. — Я хотел сказать: на всех угощения может и не хватить.

Он хохотнул, довольный своей странной шуткой, и опять потёр со скрежетом лапы.

— Ты что, мне не веришь? — неожиданно спросил он.

— Верю всякому зверю, да только не тебе, — невольно пробормотал Хома.

— Напрасно.

Волк любезно усадил его на маленький пенёк перед столом. И давай выставлять угощения: орехи, горох, яблоки...

— Лопай, дружок. Наедайся до отвала. На орешки налегай, хорошая припра... Я хотел сказать: при правильном питании не похудеешь. — И снова хохотнул.

Была не была! Навалился Хома на еду.

А Волк сидит напротив, на его аппетит не нарадуется.

— Кушай, кушай, наворачивай, округляйся!

Умял Хома всё угощение подчистую. Раздулся как шар.

— Чудесно, — засиял Волк. — Поел?

— Поел...

— А теперь я поем.

И стал повязывать себе здоровенный лопух на шею вместо салфетки.

Хома улучил момент и потёр стручком перца нос. Вроде бы как усики расправил. До этого он скрытно держал перец в левой лапке.

Только повязал Волк салфетку, как...

— Апчхи! — громогласно чихнул Хома.

— Будьте здоровы! — расхохотался Волк. — Будьте здоровы, я вас сейчас проглочу!

— Апчхи! Апчхи! Апчхи!

— Ты чего расчихался? — насторожился Волк. — От волнения?

— Нечего время — апчхи! — тянуть, давай — апчхи! — проглатывай. Вместе с гриппом, — беззаботно заметил Хома. Чего это ему стоило!

— Как? — оторопел Волк. — Где ты его подцепил?

— Это не я, это он меня подцепил, — осмелел Хома. — Апчхи! Переохладился. Утром в ручье перекупался, — оправдывался он. — Апчхи!

— Как ты мог утром так долго купаться, если знал, что вечером ко мне идёшь! — взревел Волк, отодвигаясь от гостя подальше.

— Даже яблоки моют перед едой, — строго сказал Хома. — Не мог я к тебе — апчхи! — невымытый заявиться.

— Это конечно, — растерялся Волк. — За это спасибочки.

— А ругаешься!.. Апчхи!

— В сторону чихай!

— Не отвлекайся — апчхи! — от дела, — нахально заявил Хома. — Давай глотай.

— Ещё чего! — отказался Волк. — Гриппозный хомяк мне и даром не нужен. Столько добра на тебя перевёл, — сожалеюще оглядел он пустой стол. — Столько вкуснятины...

— Ага, — потёр Хома брюшко. — Вкусно было. Апчхи! Чего жадничаешь? Волки же такое не едят. Апчхи!

— Кто тебе сказал? — вскинулся Волк, закрываясь от него лопухом. — Есть захочешь, любую пакость слопаешь — даже капустную кочерыжку! Зайца надо было позвать, — внезапно загрустил он.

— А ты меня подлечи — и ешь, — невинно посоветовал Хома. — Жалко мне тебя, голодного.

— А сколько грипп этот тянется? — поинтересовался Волк.

— Недели три. Вероятно, азиатский. Не исключено осложнение. Сложное осложнение, — по-хорошему предупредил Хома.

— Чего — осложнение? — вскипел Волк.

— Осложнение всего моего здоровья.

— Что? — опять взревел Волк. — Три недели за тобой ухаживать? А потом осложнённого хомяка глотать?! Где эта Азия? — вдруг спросил он.

— Не знаю. Апчхи! Но знаю, далеко.

— Угу, — кивнул Волк большой зубастой головой.

Он бережно вывел дорогого гостя из логова на ближнюю поляну.

— Вот и отправляйся подальше — в свою Азию!

Волк схватил Хому за ноги, свирепо раскрутил в воздухе и метнул вдаль.

Хома стремительно пролетел над рощей мимо луны и... упал прямо в свою нору, на соломенный тюфяк. В чём-в чём, а в волчьем глазомере Волку не откажешь!

Велико же было удивление Волка, когда он нашёл дома, возле стола, тот злополучный стручок. Хома его обронил.

Понюхал Волк стручок перца и...

— Апчхи! — грянуло по всей роще.

Догадался Волк.

— Провели, — ахнул он. — Меня?

И впервые уважительно подумал о Хоме: «Каков ловкач! Похлеще Лисы!»

Больше он Хому к себе в гости не приглашал. И водой не стал его нору заливать.хлопотное дело!

И вообще, ну, поймаешь проныру, а он опять заявит, что болен. А может, и вправду заболит, если его в норе водой заливать!

Нет уж, спасибо.

А Хома не уставал нахваливать смущённого Суслика, лучшего друга:

— Не прав Волк. Очень ты рылом вышел, ненаглядный ты мой! Апчхи!

— Чего со мной-то прикидываешься? — счастливо улыбался Суслик.

— Ничего подобного. Я так быстро летел, что на ветру простудился.

— Тогда будь здоров!

— Буду, — подмигнул Хома. — С твоей помощью.

КАК ХОМА МУДРИЛ

Пришёл как-то вечерком Суслик к Хоме и привычно спрашивает:

— Что новенького-страшненького?

Только Хома рот раскрыл, как лучший друг тут же затараторил:

— Просто новенького, без страшненького! А то знаю я тебя. Было дело. До сих пор поджилки трясутся.

— У нас только ты один такой храбрый, — довольно усмехнулся Хома. — Ну, тогда слушай. Спрашивают однажды у Гуся: «Чего это у тебя носки красные?»

— А Гусь?

— А Гусь отвечает: «Нет их у меня. Просто ноги замёрзли!»

Суслик так и залился смехом.

— Знаешь, Хома, а ты способный.

— Я способен на всё, — с достоинством заявил Хома.

— Расскажи ещё что-нибудь, а?

— Страшненькое? — снова усмехнулся Хома.

— Мудрое! — выпалил лучший друг и аж зажмурился. — Мудрое-премудрое!

— Ну, это немудрено, — важно отмахнулся ладошкой Хома. — Будьте любезны.

Помолчал немножко. С полчасика. Суслик чуть не заснул.

И начал Хома:

— Одна мама утка улетела погостить к родне на далёкое озеро. А своего маленького утёнка оставила на воспитание бабушке утке. А та бабуся была мудрая-мудрая!.. Ну, плавают он с бабусей в пруду. Увидел рыбьего малька, только хотел проглотить, а бабуля ему: «Не трогай махонького. У него — мама, бабушка. Они горевать будут!»

— И правда мудрая, — закивал Суслик. — Очень-очень!
Хома косо на него посмотрел.

— Застеснялся утёнок, не тронул рыбку, — продолжил он. — Ещё раз прервёшь, выгоню!

— Это она — ему? — оторопел Суслик.

— Это я — тебе! Так вот... Плывут они дальше. Только надумал утёнок муравейчика сцапать — его ветром в воду снесло — как бабуся опять: «И муравейчика не обижай. У него — тоже мамочка, бабушка...»

— Дедушка, — подсказал Суслик.

— «... дедушка, — невольно повторил, увлекаясь, Хома. — Они плакать будут!» И его не тронул утёнок. То же самое потом и с головастиком вышло. Только утёнок на него нацелился, бабуся тут как тут. «И у него, — причитает, — мамочка, бабушка и дедушка. Они переживать будут!»

И Хома мрачно умолк.

— Ну и что? — тревожно спросил Суслик.

— Что — что? Пока мамка домой не прилетела, чуть не помер бедняжка с голоду.

— Ну и ну! — ахнул Суслик. — При такой мудрой бабушке?

— При ней. Премудрой.

— Значит, она не права была?

— Не знаю, — призадумался Хома.

— А что она сама ела?

— Да всё подряд, — отмахнулся Хома. — Чуть с жиру не лопалась!

— Почему же тогда она ему лопать не разрешала?

— А потому, — догадался наконец Хома, — что взрослым всё позволено, что маленьким не позволяется. Не ври — говорят. А сами врут. Не ленись — укоряют. А сами ленятся. Не хватай чужое — кричат. А сами на чужое не жмурятся. Понял?

— Может, они хотят, чтобы маленькие выросли лучше их самих, — робко высказался Суслик.

— Так ведь утёнок-то мог и не вырасти!

— Твоя правда...

— А учить надо так, — строго сказал Хома. — Немного

плохому, немного хорошему, опять плохому, снова хорошему.

— Верно, — обрадовался Суслик.

— А иначе — загнёшься, — серьёзно закончил Хома.

— Если и есть кто-то на свете мудрый, так это ты, — искренне заявил Суслик. — Вот ты всего на полгода старше меня, а сколько полезного мне в башку вбил! И хорошего, и плохого. Поровну.

— Когда же я тебя плохому учил? — обиделся Хома.

— Пример? Пожалуйста. Говоришь: «Айда на поле горох тырить!» Ну, ладно-ладно, не воровать, а рвать. Плохо это? Плохо! Но ты заботливо предупреждаешь: «Много стручков не бери, всё равно не донесёшь». Хорошо это? Хорошо! И так во всём. Вот что значит настоящее воспитание!

— Верно, — озадачился Хома.

И вдруг зевнул.

— Чего расселся? Ты у меня в гостях — хорошо. Хозяин спать хочет, а ты не уходишь — плохо.

— Не мудри. Как раз поровну выходит. Поэтому я у тебя ещё посижу, — заулыбался Суслик, — а то дома одному скучно.

И как тут с ним, Сусликом, мудрым быть?

КАК ХОМА НА ЗАЙЦА ОХОТИЛСЯ

— **П**ошли, Суслик, охотиться! — сказал Хома.

Вероятно, на Хому вчерашнее событие повлияло. Лиса на мышей ловко охотилась и сразу двух поймала. Сам видел. Наверно, это его и раззадорило.

— На кого? — усмехнулся Суслик. — Вон на тех кузнециков?

— Ну, хотя бы на Лису! — зажмурился известный смельчак Хома.

— Правильно, — воодушевлённо подхватил Суслик. — Если идти, то на крупного зверя!

— С охотничьей собакой, — размечтался Хома.

— Или с Медведем — на Волка! — загорелся Суслик. — А с Волком — на Лису! А с Лисой... на кого? — опешил он.

— На тебя, — подмигнул Хома.

— Тебе бы шуточки, — вернулся Суслик с небес на землю. — Охоту придумал. Всё, больше не хочу.

— Ты что? Все кругом охотятся. Лисицы на зайцев, ласточки на комаров, комары на людей! А мы что, хуже?

— Ружьё бы! — заново встрепенулся Суслик.

— Давай без ружья. У нас и так его нет.

— Давай. А как?

— Без ружья, но с собакой!

— Какой? — Суслик даже по сторонам огляделся.

— Охотничьей.

— И где мы её возьмём? — вновь огляделся Суслик.

— За собаку ты будешь, — уверенно сказал Хома. — Во!

— Я — собака?.. — оторопел Суслик.

— Ну, не совсем, не совсем, — схитрил Хома. — Куда тебе? Ты, небось, и лаять не умеешь.

— Я — не умею? — разобиделся Суслик и вдруг сердито затывкам, почти как собака. — Слыхал?

— Я и говорю, — довольно кивнул Хома, — за собаку сойдёшь. Вот только поводок нужен, — озабоченно добавил он.

— А поводок зачем? — осторожно спросил Суслик.

— Чтобы ты не убежал. А то потом тебя ищи-свищи, свистом дичь пугай!

— Лису ты ничем не испугаешь, — благоразумно заметил Суслик. — Для начала нам, думаю, и Заяц сойдёт.

— Мне всё равно. Лишь бы поохотиться. На Зайца даже удобней. Он толстый, далеко не удерёт.

Хома отгрыз длинную лозину от ивового куста. И сделал на её конце петлю.

— Поводок готов! — Он ловко надел петлю на шею Суслику. — Чего стоишь? След ищи!

Суслик поморгал-поморгал глазами. Послушно опустился на четвереньки. И стал присматриваться к земле.

— Да не глазами ищи, а носом! — приказал Хома.

— Что, я должен носом землю рыть, чтобы твой след отыскать! — оскорбился Суслик.

— Не мой, а Зайца.

— Я и говорю — твоего Зайца. Может, его и след простыл.

— Значит, тёплые следы ищи, свежие. У тебя что, чутья нет?

— Чутьё есть, — с достоинством ответил Суслик. — Но Зайца я не чую.

— Ищи! — снова скомандовал Хома.

И пустились они на поиски Зайца.

Суслик впереди на поводке бежал. А Хома следом семенил, не выпуская ивовый прут.

— Не тяни, — покрикивал он. — Легче! Кому говорю? Полдня они впустую пробегали.

А ведь, когда не надо, Заяц всегда поблизости вертится. А теперь, как назло, нигде нет. Возможно, он предчувствовал, что они на него охотиться будут, и заранее где-то спрятался.

Как ни рыскал Суслик по лугу, как ни мотал за собой охотника Хому, взять Заячий след никак не мог. След-то ладно, он незаметный. А вот приметного, толстого Зайца тоже нигде не было видно!

Они так умаялись, что еле ноги волочили. И главное, позабыли, что они здесь не единственные охотники. Не заметили, как Лиса к ним в высокой траве подкралась.

Она давно бы сцапала их, но любопытство взяло. Чем это они занимаются? Что за невидаль — Суслик на поводке!

Наконец не выдержала она и лихим прыжком преградила им дорогу.

— Гуляем? — ласково спросила Лиса.

Они в отчаянии переглянулись. Нет, не убежишь! С места сойти не успеешь, как она тут же схватит обоих. Хому — правой лапой, Суслика — левой. Или наоборот.

— Ну! — рявкнула она.

— Мы... охотимся, — пропищали Хома и Суслик.

— На кого? — ухмыльнулась Лиса.

— На Зайца-толстуна... — жалобно признался Суслик.

Хотя Лиса и опешила, но быстро сообразила, что Заяц-толстун — более завидная добыча, чем эти коротышки. Вдруг и впрямь на толстого Зайца выведут. Вместо приманки сгодятся!

— Чур, уговор. Давайте на него охотиться вместе, — предложила Лиса.

Хоть плачь! Если они быстро Зайца не найдут, то она ими закусит. Тем более, судя по всему, искать его долго придёт-

ся. Она себе такой аппетит нагуляет, что про всякого Зайца забудет.

Быть беде, да вдруг поблизости на пригорке сам Заяц-толстун появился! И где он столько времени пропадал? Сразу бы его нашли, давно бы вернулись домой с добычей.

Лиса, забыв про уговор, сразу бросилась к Зайцу. Со всех ног!

А Хома с Сусликом помчались в другую сторону.

Так и влетел Хома в нору Суслика — она ближе была — с лучшим другом на поводке!

Как потом выяснилось, Заяц-толстун только с виду неповоротлив. Но в этом Лиса убедилась, а не они, охотники, Хома и Суслик.

Мало того, им пришлось благодарить его за своё спасение. Если бы не он...

Хорошо ещё, Заяц не знал, что они на него охотились.

Больше они на такое опасное дело никогда не ходили. Разочаровались. Какая ж это охота, если на тебя тоже охотятся!

КАК ХОМА ЧТО-ТО ПОТЕРЯЛ

Это ещё прошлой весной случилось. После зимней спячки. Ни с того ни с сего как-то пусто на душе стало у Хома. Словно он что-то потерял. Ходит, ощупывает себя, хотя и карманов нет. Все вещи дома пересмотрел: всё на месте. Однако покоя лишился. И впрямь будто потерял что-то.

Ну, пошёл искать повсюду. Рассчитывал, вдруг наткнётся на что-то и тогда сразу вспомнит, что именно это и потерял. Если найдёшь, к примеру, что-нибудь ценное, сразу, конечно, вспомнишь — твоё!.. Хотя о ценных-то потерях обычно не забывают.

И больше всего беспокоило Хома: почему он так волнуется о неизвестной пропаже, если ничего ценного вроде бы и не пропало?

Много он разной всячины на лугу, в роще и на Дальнем поле понаходил: пуговицы, стёклышки цветные, бусинки... Даже иголку в стогу сена нашёл. Всё не то!

А ещё он сердитого Жука, запутавшегося в колючках, отыскал. Помог ему освободиться и попросил:

— Если вдруг увидишь со своей высоты, что я потерял, сразу сообщи или подбери и кинь сверху прямо в мою нору, — и показал: — Вон в ту.

— Там видно будет, — туманно ответил сердитый Жук.

И Хома подумал, глядя вслед улетающему Жуку: «Жуковат ты, приятель. Чую, если ты что и найдёшь, вряд ли оно ко мне вернётся».

С лучшим другом Сусликом своей бедой поделился:

— Не могу найти что-то.

И Суслик дал умный совет. Суслик всегда умные советы щедро давал.

— Давно потерял? — поинтересовался он.

— Недавно, — грустно ответил Хома.

— А ты поспрашивай у всех, не находил ли недавно кто-нибудь что-нибудь.

Хома его сразу впрямую и спросил:

— Ты недавно ничего не находил?

— Нет, — почему-то испугался Суслик.

— Не ври, — пристально посмотрел на него Хома.

— Ну, не совсем... — отвёл глаза Суслик.

— Признавайся!

— Корешочек вкусный нашёл, — потупился Суслик, — а с тобой не поделился.

— погоди. А почему же ты сказал: «Не совсем»?

— Я его не совсем из земли вытащил. Оборвался.

— Нет, не то, — вздохнул Хома. — Не мог я его потерять, раз он сам по себе вырос.

Пошёл Хома дальше, других спрашивать.

К Зайцу-толстуну зашёл.

— Ты ничего на днях не находил?

Обеспокоился Заяц:

— Что именно?

— Что-то. Что-нибудь где-нибудь, — подсказал Хома.

— Что-нибудь находил, — солидно ответил Заяц-толстун, — и не где-нибудь, а под кроватью.

Хома тут же под его кровать заглянул.

— Да я уже сто раз потом проверял, — отмахнулся Заяц. — Морковка туда завалилась. Была свежая, стала сушёная, — и тоже под кровать заглянул. — Нет, другой нет, — с сожалением заметил, вернее, не заметил он.

— А больше ничего не находил? — сомневался Хома.

— Ну, знаешь!.. — обиделся Заяц. — Ты лучше Ежа расспроси. Он повсюду ходит, повсюду свой нос суёт, всё знает.

Побежал Хома Ежа искать.

Нашёл. Тот что-то в роще искал, что-то вкусненькое. Прошлогодние листья ворошил и фыркал.

— Ты не находил что-нибудь где-нибудь? — с ходу приступил Хома.

— Что-нибудь где-нибудь когда-нибудь... — проворчал старина Ёж.

— Да не когда-нибудь, а недавно. А?

— Ты что-то потерял? — посочувствовал Ёж.

— Во-во, что-то! А что, не знаю, — пригорюнился Хома.

— Бывает, — усмехнулся старина Ёж. — Особенно весной, после недавней долгой спячки. Ну-ка расскажи, как ты искал.

Хома и рассказал ему, как нашёл Суслика — без толку, как нашёл Зайца — опять пусто, и вот нашёл его, Ежа, — и тоже ничего хорошего.

— Как ничего хорошего! — разгневался

старина Ёж. — Суслика нашёл? Нашёл! Зайца нашёл? Нашёл! Меня нашёл? Нашёл! Все живы и здоровы. Мало тебе?

— Ох, — улыбнулся Хома. — А я-то думал... Вот теперь всё в порядке. Спасибо тебе!

И побежал Суслика вновь искать. Радостью своей поделиться.

До чего же старина Ёж мудрый! На то он и старина! Суслика Хома дома нашёл.

Выслушал его Суслик внимательно, согласился с Ежом. А затем только и сказал:

— Хорошо, что ты Лису не нашёл, а Волка — тем более!

А тот Жук, которого Хома выручил, залетел как-то к нему в нору и прожужжал сокрушённо:

— Плохо, друг. Ничего я не нашёл.

— Да нет, хорошо, друг! — воскликнул Хома. — Хорошо, что я тебя нашёл!

— Значит, ты меня потерял? — удивился Жук. — Не может быть.

— Раз нашёл, значит, потерял. Ну, мог потерять, — весело сказал Хома.

— Это верно, — приятно потрещал крылышками Жук. — Кстати, из норы не высовывайся. Там, по лугу, Волк бродит. Голодный, — подчеркнул он.

Так Хома нашёл ещё и нового друга — доброго Жука.

КАК ХОМА И СУСЛИК СТРАШНОГО ЗМЕЯ ПРОГНАЛИ

В один ветреный летний, а может, и лётный день из-за рощи появился над лугом невиданный, глазастый и хвостатый, Летучий Змей. Он рыскал по небу и так трещал, будто зубами безостановочно клацал.

Все сразу попрятались.

Хома тоже испугался. В норе скрылся.

Выглянет — висит в небе Змей. Глаза здоровенные, всё видит хорошо. Да что там глаза — зубы у него, как у кабана клыки! И, наверняка, ядовитые, цвет у них такой — фиолетовый.

Суслик одним прыжком перескочил из своей норы в нору Хома. И сказал:

— Змей-то вроде бы маленький, — это он сам себя и Хому успокаивал.

— Коршун в небе тоже маленьким кажется, — мрачно возразил Хома. — А Змей-то — ого какой!

И правда. Всем змеям Змей! Туда-сюда над лугом и рощей мотается. Добычу высматривает.

— Да уж, — тяжело вздохнул Суслик.

— Змей, — поправил его Хома.

— Я и говорю: да уж, Змей!

— Уж, конечно, тоже змей. Но куда ужаку до этого Змея! Со страху друг друга не понимают.

— Думаешь, он здесь всегда летать будет? — тревожно спросил Суслик.

Хома на него только лапой махнул. Он на него часто лапой махал. Наверно, для того, чтобы Суслику прохладней было в такую жару.

Сторожит всех с неба зоркий Змей. Нельзя даже выйти. И как тут быть? С этим Змеем никому не справиться!

— Надо его напугать, — внезапно осенило Хома. — Тогда он сразу отсюда уберётся.

— Тебе лучше знать, — уклончиво заметил Суслик.

— Давай-ка высунься и пошарь по лугу глазами. Потом мне расскажешь, что увидел, — приказал Хома.

— А он меня не сцапает?

— Не бойся. Я тебя за ноги держать буду.

— А если он меня вместе с тобой выдернет? — беспокоился Суслик.

— Не успеет. Я тебя ещё быстрее назад дёрну.

Убедил-таки он Суслика. Высунулся Суслик, зыркнул глазами по сторонам. Внезапно тень от Летучего Змея его накрыла.

— Дёргай, Хома! — закричал Суслик. — Дёргай!

И они оба кубарем покатались по норе.

— Ещё бы чуть-чуть... — еле отдышался Суслик.

— Чуть-чуть не считается, — встряхнулся Хома. — Ну, и что ты на лугу видел?

— Ничего. Кроме нашей одинокой берёзы и старой упавшей ольхи, — ответил Суслик.

— То-то! — потёр ладошки Хома. — Корни у той ольхи торчат?

— Торчат.

— В разные стороны?

— В разные, — ничего не понимал Суслик.

— Страшные корни?

— Как змеи, — сказал Суслик и осёкся.

— Ага. Дошло? — обрадовался Хома.

Суслик начал что-то смутно соображать.

Больше они до самой темноты из норы не высовывались. Весь день лепили они в норе глиняные шары, благо глины кругом полным-полно. А на тех мягких шарах чертили палочкой жуткие глаза и большие зубы.

Суслик помалкивал и с лишними расспросами к Хома не лез.

Окончательно понял он хитроумную задумку Хома только тогда, когда они ночью налепили глиняные головы на змеиные корни упавшей ольхи.

— Думаешь, он испугается? — с опаской поглядывал Суслик на тёмное небо. — Головёнки-то эти, пожалуй, маловаты.

— Зато их много! А у Летучего Змея — одна, — рассмеялся Хома. — Ты что, забыл, что издали всё маленьким кажется? Змей непременно подумает, что на самом деле они большие. Он же высоко крутится!

— И в кого ты такой умный? — восхитился Суслик.

— В тебя, — соврал Хома.

— А сухие ветки на ольхе обломаем или оставим? — напыжился польщённый Суслик.

— Оставим. Пусть думает, что это иглы!

Они так намаялись ночью, что утром проспали рассвет. А когда выглянули из нор, страшного Летучего Змея в небе уже не было. И след простыл.

— Жаль, мы не видели, как он удирал, — сокрушался Суслик.

— Живо убрался! — торжествовал Хома.

Вовремя Хома и Суслик жуткого Змея прогнали.

Да только все звери и птицы вновь попрятались — теперь от ольхового страшилища на лугу. Уж очень вид у него был свирепый. А голов-то, голов-то, одна страшнее другой!

Даже Суслик стороной обходил.

Так что и на жуткого Змея можно управу найти.

И напрасно вдруг кто-то подумает, что Хома с Сусликом зря старались.

Они ведь не знали, что это был не Летучий Змей, а просто воздушный змей. Он на нитке болтался. Незаметной.

КАК ХОМА И СУСЛИК ДОМОЙ ВЕРНУЛИСЬ

Помните вы или не помните, но Хома и Суслик уже отправлялись когда-то в путешествие по ручью. На маленькой надувной лодочке. В дальнейшее путешествие, которое оказалось ближним.

Суслик тогда запас питания в плаванье не взял.

«Забыл, растяпа», — как сказал Хома. Сам Хома был ни при чём. Команду Суслику дал? Дал. Суслик забыл? Забыл. Так кто растяпа?!

Правда, Хома забыл тогда проверить, выполнил ли Суслик его приказ. Но это необязательно.

«У хорошего капитана, — рассуждал Хома, — всегда отличные матросы. И если Суслик оказался плохим матросом, то... хороший капитан не виноват», — выкрутился Хома.

В этот раз Хома не поленился проверить, как выполнил Суслик его команду.

На плот, связанный из сухого камыша, были заботливо уложены тыквенная бутылка с холодной родниковой водой, большой глиняный кувшин с горохом и горшок с вкусными кореньями.

Не были забыты и шест — длинная крепкая палка, и дощечка — рулевое весло.

Шест — для того, чтобы Суслик, стоя на плоту, усердно грёб, вернее, отталкивался. А дощечка — чтобы Хома рулил, удобно сидя на корме. Это самое ответственное дело. Именно потому Хома и приберёг его для себя.

А в путешествие они решили отправиться с очень серьёзной целью. Посмотреть, нет ли где более безопасного места для житья.

Врагов здесь очень много: хитрая Лиса, зубастый Волк, могучий Медведь, да ещё Сова лупоглазая, Филин-полуночник и быстрый Коршун со своим меньшим приятелем Кобчиком.

А то и коты приبلудные повадились по лугу шастать — домашние, но бездомные и очень дикие.

Многовато, пожалуй, на Хому и Суслика!

Хорошо, что мыши выручали. Мышей и на лугу, и в роще водилось достаточно. Достаточно, чтобы прокормить хищных зверей и птиц. А не то бы Хому и Суслика только и видели. Точнее, не видели!

Отправились отважные мореплаватели, то есть ручье-плаватели, как и положено, на рассвете.

Провожающие, старина Ёж и Заяц-толстун, помахали вслед. Возможно, прослезились — с плота не видно — и двинулись за ними по берегу.

Хома испугался, что они весь день их провожать будут. Но, к счастью, им преградило путь топкое болотце, и они, наконец, отстали.

И старина Ёж, и Заяц-толстун знали о цели путешествия. Им тоже хотелось переселиться в новые края. Особенно Зайцу, у него даже иголок для защиты нет.

Они очень хотели поплыть вместе с Хомой и Сусликом. Но рулевой капитан — так определил себя Хома — справедливо заметил, что плот не резиновый, а из тростника.

Мало того, что все на нём не поместятся, ещё и потонуть можно. Ежа бы это не испугало, но Зайца сразу остановило. Всем известно, что зайцы воды боятся.

Путешествие продолжалось...

Суслик усердно отталкивался шестом. Хома правильно рулил дощечкой.

Если подробно описывать их путешествие, то всего леса по берегам ручья на бумагу не хватит. Из чего бумагу делают — знаете?..

Понятно, без приключений не обошлось. В одном омуте за ними погнался прожорливый Сом, но рулевой капитан Хома не растерялся. Он так гулко стукнул его дощечкой по башке, что их ещё долго преследовало звонкое эхо. Почти до самого вечера.

— Славно я его стукнул! — весь день восхищался собою Хома.

— А если бы ты его не стукнул, а огрел? — завидовал ему Суслик.

— Если б я его огрел... — начал было Хома и вдруг настороженно прислушался.

Так Суслику и не пришлось узнать, что стало бы с огретым Сомом. Оказалось, поодаль от берега, в чаще, люди рубили деревья. Вот откуда взялось это долгое эхо.

Они плыли дальше и дальше.

Лося по пути увидели. Он так мощно пил из ручья, что возле него отмель образовалась. А может, он просто встал у отмели.

Белого Аиста встретили. Белого, с чёрными перьями на концах крыльев. Расставив голенастые ноги, он на самой середине ручья стоял. Вода была ему по колено. Томно полузакрыв глаза, он нежился на солнышке.

Тут плот попал на быстрину, его завертело и неудержимо понесло к огромной птице.

Хома побелел бы со страху, если бы мог. Отчаянным рывком дощечки он сумел направить плотик прямо под Аиста. Как в ворота.

Аист и не шелохнулся.

Когда они проплывали под ним, беззаботный Суслик встал на цыпочки и выдернул у него маленькое пёрышко. На память.

Аист даже не заметил. А если и заметил, то промолчал. Так считал Суслик. Подумаешь, мол, пёрышко! У Аиста их много, а у Суслика — ни одного.

— Уф, пронесло, — простонал Хома, оглядываясь на уже далёкого Аиста.

— Ты что, испугался? — хмыкнул Суслик.

— Не знаешь, что ли, голодные аисты и зайчат, и крапчатых сусликов глотают? Полностью!

— А разве я крап... — не договорил Суслик, посмотрев на своё отражение в воде, и хлопнулся в обморок. Хорошо, что на плот. Наверно, заранее выбрал, куда упасть.

Хома щедро побрызгал на него водой.

Суслик слабо приподнял голову:

— Значит, он не голодный?

— Или-или, — ответил Хома. — Или шеста твоего испугался.

Суслик мгновенно вскочил и браво развернул плечи.

— А что! Скорее всего!

— Ты давай скорее на шест налегай, — посоветовал Хома, — пока Аист свои перья не пересчитал.

Суслик поспешно бросил перо и приналёг на шест. И слова не сказал.

Только за следующим поворотом он укоризненно произнёс:

— Мог бы меня предупредить.

— Тебя предупредишь, — протянул Хома. — Хватает, что попадаю, — нахмурился он. — Из-за тебя могли закончить путешествие у Аиста в желудке!

— Брр, — передёрнуло Суслика. — Там от лягушек скользко. Я думал, аисты только лягушек глотают.

— На обратном пути можешь убедиться, — засмеялся Хома. Он не мог долго злиться.

Но Суслику было не до смеха. Он бубнил про своё расшатанное здоровье. Расшатанное волнами, которые внезапно побежали по ручью.

И тут путешественники увидели Енота-полоскуна. Так его называют, наверно, потому, что он в воде полоскаться любит, а вовсе и не стирать, как иные думают. Да и стирать ему нечего, он ведь весь меховой.

— Не подымай волну, — вежливо попросил его Хома.

— Захлестнёт! — вторил ему Суслик, беспокоясь за плот.

Добряк Енот послушался и дал им спокойно проплыть мимо.

— А почему говорят: енот да не тот? — внезапно спросил Хому Суслик.

— Это был тот Енот, — снисходительно ответил Хома.

Зря завидовал Суслик Хоме, отважно прогнавшему Сома. И ему вскоре довелось отличиться.

Когда какой-то чужой Коршун бросился на них сверху, Суслик неожиданно чуть не проткнул его шестом с перепугу.

Коршун затрепыхался в воздухе, погнав по воде рябь, и улетел искать более послушной добычи.

— Какое чучело я упустил! — переживал Суслик, уняв дрожь.

А Хома спросил из-под дощечки, которой накрыл голову:

— Он уже улетел?

— Удрал! — воинственно ответил Суслик. — Видал, как я его шуганул? Враз смылся!

— Его счастье, — опустил дощечку Хома. — Вот его бы я точно огрел, а не просто стукнул!

Подходящего места для нового житья-бытья всё не находилось. Берега были то слишком топкие, то сплошь лесистые.

Ручей стал широким, как небольшая речка.

Два дня и две ночи плыли неуютимые путешественники. Спали на плоту по очереди.

На третий день дорогу им преградила бобровая плотина.

Важные усатые бобры, шлёпая по воде хвостами, похожими на короткие вёсла, сплавляли к плотине подгрызенные осины.

По всему было видно, что они собирались надстроить её повыше.

— Правильно! — громко одобрил Суслик. — А то ручей мелеет. Там, — показал он назад, — Аисту по колено.

Бобры изумлённо уставились на маленьких путешественников.

— И давно плывёте? — спросил старый седой Бобр, с любопытством разглядывая утлый плотик.

— Два дня, дедушка, — ответил Хома.

— Смелые малыши, — похвалил Бобр. — Ну, и как там в верховьях? Лес люди рубят?

— Рубят, — сказал Суслик.

— Плохо...

— Но и вы тоже рубите, — кивнул на плотину Суслик.

— Мы-то рубим с умом, — заметил Бобр. — А они лишь бы побольше.

— А почему — лишь бы побольше? — Суслик всегда отличался любопытством.

— От большого ума... Поживёте с моё, узнаете.

— Столько мы не проживём, — уважительно взглянул на его седины Суслик.

— А всё потому, что вы неправильно живёте. Жить надо в воде. Вода — это жизнь! — глубокомысленно изрёк Бобр.

— Ага, — по-своему понял его Суслик. — В воде много жизни. Рыбы, раки, пиявки... Кого только нет!

— И куда вы плывёте? — обратился Бобр к Хоме, верно приняв его за главного на борту.

— Туда, — показал вперёд рулевой капитан.

— Просто так?

— Нет, мы ищем новые привольные места.

— Ну что ж. Плывите. Во всём надо самому убедиться.

И седой Бобр скомандовал другим бобрам, чтобы те открыли в плотине узкий проход для плота Хома и Суслика.

— На что он намекал? — спросил Хому Суслик, когда плотина осталась позади.

— Не знаю. — На сердце у Хома было тревожно.

Они плыли и плыли.

Ручей стал ещё шире, заросли камыша и осоки поднялись ещё выше. И шест Суслика лишь кое-где доставал дно.

Чувствовалась близость реки, большой воды.

Появились крикливые нахальные чайки.

Суслик опасливо поглядывал на них. Но им, видимо, вполне хватало мелкой рыбёшки, которую они то и дело выхватывали из воды.

— А нас они не тронут?

— Ты для них слишком велик, — Хома лихо рулил, обходя торчащие из воды коряги.

— Для муравьёв я велик, — не согласился недоверчивый Суслик, держа свой шест наготове.

— И для меня велик, — подбодрил его Хома. — Ты же выше меня ростом, забыл?

— Я не забыл, — по-прежнему с опаской поглядывал Суслик на задиристых чаек, отнимающих друг у друга добычу. — Да они об этом не знают.

И вот перед ними внезапно открылась река, куда впадал их ручей. Широ-о-кая река!

Кругом бесконечные пароходы, баржи, моторки. Шум, стук, треск!

Дымящие высокие трубы по берегам. Сажа и копоть! А на тёмной воде колышутся, как огромные блины, мазутные разводы...

— Рули назад! — заорал Суслик.

Пять дней они назад добирались, хотя и старались во-
всю. Даже Хома своей дощечкой грёб, Суслику помогал.
Против течения шли. Поэтому обратная дорога и была столь
долгой.

Провожающие, а теперь встречающие, Заяц-толстун и
старина Ёж, стояли на том же месте. Будто и не уходили.

Причалили Хома и Суслик к знакомой песчаной косе.

Взглянул Хома на Ежа и Зайца и развёл лапами:

— От добра добра не ищут. Плохо там, где нас нет!

— Хорошо там, где мы есть, — добавил Суслик.

КАК ХОМА ВЕЛИКУЮ ТАЙНУ ОТКРЫЛ

Заспорили Хома и Суслик о том, кто же всё это сделал: луг, рощу, ручей — ну, всё-всё.

— Может быть, люди? — сказал Суслик.

— Ты вон ту сосну видишь? — спросил Хома.

— Вижу.

— Красивая?

— Очень! — ответил Суслик.

— А избы в деревне видел?

— Видел. И что?

— Человек из готовых деревьев и то сделал неизвестно что! Разве можно сравнить? — И Хома вновь полюбовался сосной.

— Дерево лучше, — признался Суслик.

— Так-то. А нас всех кто сделал? — наморщил лоб Хома. — Даже Зайца нашли в капусте, а тебя вообще неизвестно где!..

Пошли они к друзьям посоветоваться.

Спросили старину Ежа:

— Кто это всё сделал?

— Что — всё? — озадачился Ёж.

— Ну, всё-всё! — И Хома щедро повёл лапой вокруг. Любимая привычка.

— Дождик, — бойко ответил Ёж. — От него всё растёт: деревья, орешник, трава. Даже грибы! Белые, — облизнулся он.

— А кто дождик сделал?

— Туча.

— А тучу кто? — допытывался Хома.

— Ветер, — твердил старина Ёж.

— А ветер?..

Не смог ответить Ёж, хоть и пожил на свете немало. Лет восемь или девять. Не помнит — сколько .

Пошли они втроём — Хома, Суслик и Ёж — к Зайцу.

Спросили и его:

— Кто всё на свете сделал?

— Солнце, — не задумываясь, ответил Заяц-толстун. — Без него всё замёрзло бы.

— А кто солнце сделал? — строго спросил Хома.

Тут-то все они и приумолкли.

Великая тайна!

— А ты сам-то ответь, — обиженно опомнился старина Ёж. — А то лишь только спрашиваешь. Сам-то хоть знаешь?

— Догадываюсь...

— Кто?

— Кто-то, — тихо ответил Хома. — Само собой ничего не делается. Раз это есть, — он снова привычно повёл лапой вокруг, — значит, Кто-то сделал!

— Ну, кто? — в сердцах вскричал Заяц-толстун.

Но Хома, прищурившись, смотрел на небо, словно ожидая ответа.

По голубому небу плыли чередой белые облака, и солнце то сверкало, то не сверкало. Стрекотали кузнечики, шелестела трава, что-то напевал ветерок. И было так замечательно!..

Молча разошлись друзья по домам. Подумать, поразмышлять не спеша. Думать лучше в одиночку — гвалта меньше.

И с тех пор так сладостно было Хоме думать, что есть Кто-то на свете, кого ты даже не видел, а Он заботится обо всём. Если Он всё это сделал, значит, не бросит просто так,

не оставит, не забудет. И уж, конечно, постарается, чтобы всё было хорошо.

Ведь иначе и быть не может. Вон даже глупая Ворона гнездо себе из палок соорудит и заботится о нём, хлопочет, дыры латает.

А тут — целый свет! Если о нём не заботиться, враз рассыплется. Тот, кто всё-всё сделал, обязательно позаботится. На то Он и великий хозяин.

Неужели не ясно?

Так что скажи спасибо, когда спать ложишься. И помни, ты потому спишь спокойно, что Кто-то не спит.

КАК ХОМА В ПРИМЕТЫ ВЕРИЛ

Живут себе на лугу в своих норках, между полем, ручьём и рощей, хомяк Хома и его лучший друг Суслик. Хотя Суслик и выше Хома ростом, зато Хома на целых полгода старше. А старшие знают больше. У старших — опыт. Большой опыт у Хома. Огромный!

Но Суслик не всегда это признаёт.

— Ты веришь в приметы? — спросил его как-то Хома.

— Ну ты меня огорошил! — Суслик чуть горохом не подавился. — В какие ещё приметы?

— В разные, — сказал Хома.

Они с Сусликом на Дальнем поле, за рощей, были. Горох рвали. Что рвали, то и съедали. Понемножку. По горсти.

— В приметы?.. — Суслик опасался какого-то подвоха. — И верю, и не верю, — нашёлся он.

— Я тоже, — кивнул Хома.

Они замолчали. Тут дело такое: либо говори, либо ешь. А впрочем, они почти наелись. Да много ли гороха-то нужно? Чуть поменьше своего веса. Каждому.

— А какие они... эти приметы? — не выдержал Суслик. Любопытство пересилило. Оно его всегда пересиливало. Видать, оно было сильнее его.

— Ты что имеешь в виду? — деловито спросил Хома. Ему и в голову не приходило, что он Суслика в тупик поставил.

— Ты сам в какие приметы веришь? — хитрил Суслик, пытаясь понять, о чём всё же Хома говорит.

— Во многие, — ответил Хома, бросая в рот последнюю горсть гороха.

— Ну, назови хотя бы одну, — небрежно сказал Суслик. Хома недоумённо посмотрел на него.

— Если листья начинают желтеть, значит, скоро осень. А если рябина вся красными гроздьями усыпана — зима будет холодной.

— Ах, вот ты о чём! — прибодрился Суслик. — Это я и без тебя хорошо знаю.

— Ну да. Приметы такие. А вообще это — никакие приметы. Осень и зима всегда наступают. Каждый год. От них никуда не денешься!

— Ты сказал: «Никакие приметы», — вкрадчиво заметил Суслик. — А какие ещё бывают, кроме никаких?

— Какие, какие! — разворчался Хома. — Плохие и хорошие.

— Плохие... — задумался Суслик. — Погляди, цветы головки закрывают. Это, по-твоему, какая примета?

— Тоже никакая, — пробурчал Хома. — Это к дождю.

— Как же — никакая? Чего нам хорошего от дождя! Выходит, плохая примета.

— Ты скажи, можем мы тут что-нибудь изменить? — рассердился Хома.

— Нет, — снова подумав, ответил Суслик. — Значит, настоящую плохую примету можно как бы перехитрить? Да?

— Конечно.

— Не знаю, не знаю... Тогда напомни-ка мне о настоящей плохой примете.

— Пожалуйста. Чёрная кошка тебе дорогу перебежит — очень плохая примета. Сразу назад поворачивай, и беды как не бывало.

— А если белая кошка?

— Ну... Это опять никакая примета. Ни хорошая, ни плохая.

— А по-моему, что чёрная, что белая кошка — примета хорошая.

— Почему? — удивился Хома.

— Хорошо, что дорогу перебежала и ты её увидел. Плохо, если не перебежала дорогу и затаилась где-то поблизости. В засаде.

— Думаешь? — оторопел Хома.

— А чего тут думать! Затаилась бы и напала. Нет, это очень хорошая примета, когда кошки дорогу перебегают.

— Фу ты, ну ты, — пришёл в себя Хома. — Неужели тебе непонятно, раз кошка дорогу перебежала, значит, она здесь, поблизости, появилась, а раньше её здесь вовсе не было!

— Ладно, — не сдавался Суслик. — Но ты же говорил только о чёрной кошке! А белой ты не боишься?

— Боюсь. Но чёрная кошка потому плохой приметой считается, что она незаметней. Особенно ночью. А белую-то разглядеть можно и удрать!

— Верно, — нехотя согласился Суслик. — Твоя взяла. А теперь ты мне давай про хорошую примету напомни.

Призадумался Хома. И ничего тут странного нет. Почему-то плохих примет больше, хорошие не сразу вспоминаются.

— Посуда бьётся — к счастью! — наконец вспомнил Хома.

— Твоя или моя? — всерьёз заинтересовался Суслик.

— Любая, — отрезал Хома.

— Ничего подобного.

— Хорошая примета! — упорствовал Хома. — Все так говорят.

— Тогда пошли к тебе, я всю твою посуду перебью. Хочу поглядеть на твою счастливую улыбку. Пошли, пошли. — потянул его за собой Суслик, — твою посуду бить.

Такой нахальной прыти Хома от Суслика не ожидал. Поэтому упёрся.

— У меня её и так мало.

— Зато счастья будет много, — предвкушал Суслик. — Для начала я твой новый кувшин раскокаю.

— Ах, так! Пошли, — взвинул себя Хома. — Бей, круши, всё равно по-моему выйдет! Приметы никогда не врут. Но знаешь, — внезапно поостыл он, — ты лучше мой старый большой кувшин ахни. Он с трещиной, не жалко.

— Так и быть, — великодушно согласился Суслик. — А счастье от этого не уменьшится?

— Посуды у меня уменьшится, — хмуро сказал Хома. — А счастье... Может быть, ты себя счастливым почувствуешь, когда мой кувшин разобьёшь.

— Не хитри, — предупредил Суслик. — В таком случае, сам свой кувшин разбей, а я посмотрю, что из этого выйдет.

Так, препираясь, они незаметно добрались до Хоминой норы.

— Только в норе не бей, — обречённо сказал Хома, когда Суслик схватил большой кувшин. Тот, с трещиной.

Думаете, раз он с трещиной, его не жаль? Воду в нём, конечно, не удержишь. А горох и зёрна можно хранить запросто. Тоже ценная вещь!

— В норе не бей, — грозно повторил Хома. — И без того мусору хватает.

Вышли они на луг. Там, неподалёку, огромный валун лежал.

Суслик подскочил к нему с разбегу и так ахнул по валуну кувшином, что...

Волк, притаившийся в засаде за каменной глыбой, очумело взвился, весь в глиняных осколках, и дал дёру!

Да и сами друзья опомнились только в норе у Хома. Настолько струхнули!

— Ну, что я говорил?! — возликовал, придя в себя, Хома. — Если бы посудину не разбили, Волк бы нас вмиг сдапал!

Так был посрамлён Суслик. Он, Хома, не какой-то Хома неверующий. Знает, что говорит.

КАК ХОМА И СУСЛИК С ЛИСОЙ НЕ ДОСПОРИЛИ

Крепко повздорили Хома и Суслик. Из-за чего — вроде уже и не помнят. Упрекать стали друг друга.

— Ты первый начал, — обижался Суслик.

— Запомни, начинает всегда первый, а не второй. Не второй же, не третий! — веско сказал Хома.

Он частенько говорил веско или внушительно. Важно ещё говорил, строго, с достоинством. Нередко усмехался, но зато никогда не ухмылялся. Такого за ним не водилось.

— Я тебе напомню, — внушительно усмехнулся Хома.
— Я наконец вспомнил. Мы спорили о том, что такое хорошо...

— И что такое плохо, — подхватил Суслик. — Если что-то плохо лежит — это хорошо?

Завелись они по-новой. Они уже как-то говорили о плохом и хорошем. Но совсем по другому поводу.

— А ты положи хорошо, что плохо лежит, и будет хорошо! — важно ответил Хома.

— Кому хорошо? — не сдавался Суслик.

— Тому, у кого лежит плохо.

— А разве это нехорошо, что плохо лежит?

— А ты переложи хорошо, и тогда тому, у кого плохо лежит, хорошо будет, — строго посоветовал Хома.

Они в норе у Хома сидели.

— Хорошо, — кивнул Суслик. — Вон я вижу, твои орешки на полке плохо лежат. Вот-вот на пол посыпятся.

Он небрежно подошёл к полке и взял с краю несколько орешков, которые могли на пол свалиться.

Взял и с удовольствием съел.

— Хорошо! — облизнулся он. — Вкусные орехи! Где рвал? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Ну, сделал я сейчас по-твоему. Лежали орешки плохо, теперь — хорошо, — погладил он живот. — Ну и что? Хорошо тебе?

— Очень хорошо! — повеселел Хома.

— Но тебе же от этого плохо, — удивился Суслик. — У тебя меньше осталось.

— Но ведь тебе хорошо?

— Хорошо. Если я ещё немного возьму, мне будет ещё лучше.

— И бери. Кушай на здоровье! — разрешил Хома. — И запомни, хорошо — это когда другому хорошо и даже отлично.

Суслик недоверчиво посмотрел на него. И вновь пристроился к орехам.

Хома внимательно смотрел, как он опустошает полку.

— Хорошо! — увлёкся Суслик, проглатывая последний орешек.

— Плохо, — покачал головой Хома. — Мне ничего не осталось.

— Что ж ты меня не остановил? — смутился Суслик.

— Честно?

— Честно.

— Сначала я подумал: пусть тебе будет хорошо. Потом забеспокоился: если ты объешься, тебе будет плохо. А затем уж только спохватился: мне самому будет плохо, если ты все орехи слопаешь.

— Это хорошо, что ты о себе в последнюю очередь подумал, — одобрительно заметил Суслик. — Подожди меня немножко.

И решительно вышел.

Вернулся он с большущим кульком, свёрнутым из конского щавеля.

— Подожди немножко, дам тебе горошка! — ликовал Суслик.

Заглянул Хома в кулёк, а там полным-полно молодого вкусного гороха.

— Это ты мне? — поразился он.

— Нам, — широко улыбнулся Суслик.

— Знаешь, Суслик, — сказал Хома, набивая щёки сладким горошком, — мы с тобой неправильно спорили.

— А как правильно? — уписывал Суслик горох тоже за обе щеки.

— Тебе хорошо, — прошамкал Хома, — и мне хорошо.

— Ещё бы!

— Хорошо — когда всем хорошо. И тебе, и другому. А если другому плохо, то как тебе может быть хорошо?

— Можно уточнить? — солидно спросил Суслик.

— С таким кульком можешь уточнять, сколько угодно!

— Так вот, уточняю: не другому, а другу. Хорошо — когда всем хорошо, — повторил он Хомины слова. — А дальше надо так: и тебе, и другу, — подчеркнул он, — а не другому. Других — много. Друзей — мало.

Они опять заспорили. А ведь почти дошли до истины. Вовремя надо останавливаться и в еде, и в споре.

Ведь всё-таки хорошо — и с другим, и с другом поделиться!

Вездесущая Лиса, пробежавшая мимо норы, остановилась и прислушалась.

«Хорошо им лясы точить, — злобно подумала она. — Хорошо, что они там, а не здесь. А иначе бы они узнали, что такое хорошо!»

— Нехорошо! — в сердцах крикнула она прямо в нору сквозь узкий лаз. — Весь день голодная бегаю.

Хома и Суслик даже горохом поперхнулись. Пришлось друг друга хорошенько по спине поколотить, чтобы плохо не было.

— Но ты же горох не ешь! — крикнул Хома Лисе.

— Зато я другое ем, вместе с горошком, — огорчалась она.

— Плохо тебе, — хитро посочувствовал Хома.
— Лишь бы тебе было хорошо, — съязвила она.
— Рыжая, а всё понимает! — наивно поверил Суслик.
— Была бы ваша нора пошире, и ты бы сразу всё понял
отлично!

И Лиса побежала дальше. Ей было плохо ещё и оттого,
что им хорошо. Не до спора ей было.

Попробуй разберись! Трудно...

КАК ХОМА ЛУГ СОХРАНИЛ И КОНЯ В ЛЮДИ ВЫВЕЛ

Приятно посидеть вечерком с другом, когда на дворе дождь идёт, а у тебя дома тепло и сухо.

Заскочил в такой вечер Суслик к Хома. Поболтали о том-о сём, перемыли косточки Лисе, пересчитали рёбра Волку, перешерстили Медведя, а от Коршуна вообще полетели пух и перья. И давай затем рассказывать разные истории.

Первым начал Хома. А впрочем, до Суслика очередь так и не дошла. Хому не остановишь, если он разгонится.

— А известно тебе, — сказал он, — что зимой все звери курят?

Суслик чуть с табуретки не упал:

— Скажи ещё, что и птицы курят!

— А птицы тем более. На лету!

— Ты, Хома, конечно, умный, но тронутый, — не сдержался Суслик.

— Меня попробуй тронь! — развернул плечи Хома.

— Я не о том, — смешался Суслик. — Кто же из животных курит?!

— Да все. И почему-то зимой, — повторил Хома. — Однажды проснулся я во время зимней спячки, бок отлежал. Хотел на другой бок повернуться, но вдруг захотелось взглянуть, как там, снаружи. Снег прокопал на входе и гляжу. Ужас! — всплеснул он лапами. — Все курят! Лиса прошла, Волк, Кабан — у всех дым из ноздрей валит! Потом наш тихоня Заяц пробежал — изо рта и из носа белые дымки пышут. Ворона пролетела, и та дымит!

— Надо бы у Зайца спросить, — проямлил Суслик.

— Спрашивал. Обижается. Наверно, стыдно. Я думаю, они все зимой курят, чтобы теплее было. А ещё и кашляют иные, непутёвые!

— Может, от мороза?

— Знаешь, Суслик, — нахмурился Хома, — если кто-то на морозе курит и кашляет, я вижу только одну причину. Будь здоров, не кури и не кашляй!

Они помолчали, тягостно размышляя о вреде курения.

— А знаешь, как один Суслик наврал с три короба? — встрепенулся Хома.

— А тот Суслик случайно не я? — взволнованно спросил Суслик. — Помни, я твой лучший друг.

— Совсем другой Суслик, — рассмеялся Хома. — Гораздо умнее тебя. — Он умолк. — Я хотел сказать — гораздо глупее тебя.

— Тогда валяй, — успокоился Суслик.

— Сделал он три берестяных короба. В один — горох насыпал, в другой — орехи, в третий — зёрна. А на крышках нарочно совсем не то нарисовал: где было зерно — орехи, где были орехи — горох, а где был горох — зерно. По-назвал гостей и выставил три закрытых короба. «Навались, — говорит, — ешьте, кто чего любит!» А сам хохотал до упаду, когда гости всё перепутали!

И Хома сам громко расхохотался. Опомнился и принял серьёзный вид:

— Так Суслик наврал с три короба.

Суслик поёрзал на табуретке, не зная, можно ли и ему смеяться над тем глупым сусликом.

— А ты точно уверен, что не про меня рассказывал? — сдержанно спросил он.

— Точно-точно. У тебя же дома четыре короба с припасами, а не три. Это у меня три.

— Верно, — повеселел Суслик.

— Это так же верно, как я на коне скакал, — продолжал

Хома. — Помнишь, на наш луг табун лошадей из деревни повадились пригонять? Пусть, мол, попасутся на воле.

— Помню, — оживился Суслик. — Как-то проснулся, а у моей головы лошадиное копыто в норе стоит. Конь провалился, — хихикнул он.

— Помолчи! А думаешь, кто отучил коней по нашему лугу шастать?.. Ты слушай. Решил я как-то корзину сплести, а веток ивовых нет. Пошёл, взобрался на подходящую иву, пытаюсь лозину перегрызть, но вдруг заскользила она у меня в лапах, и я очутился — не поверишь, на шее Коня. Он около ивы траву щипал. Что тут началось! Конь почувствовал какого-то зверя на шее, — выпятил грудь Хома, — и понёсся куда глаза глядят.

— Твои глаза или его? — заинтересованно спросил Суслик.

— Его! А значит, и мои. Куда он, туда и я. Неужели не ясно? — недовольно сказал Хома и продолжил: — Вцепился я железной хваткой в его гриву. Мчится Конь, не разбирая дороги. Хвостом по спине хлещет, пытается меня достать! Шеей вертит, зубы скалит — не может до меня дотянуться. Гривой трясёт, стряхнуть старается! На дыбы встаёт! Ржёт как ненормальный! Оглянулся я на ходу. А за нами весь табун скачет, земля трясётся!

Суслик поёжился:

— Я бы на твоём месте давно свалился.

— И я бы давно свалился, да пальцы разжать не мог. Свело намертво. Летим мы прямо в деревню. По пути чуть Лису не растоптали.

— Жаль! — азартно ввернул Суслик.

— Она как раз выходила из дальнего курятника с задуманной курицей в зубах.

— И что? — выдохнул Суслик.

— Курицу растоптали, — кратко сообщил Хома.

— А Лиса?

— А Лиса мгновенно взобралась на дерево. Никогда такого не видел! Но видел бы ты, каким взглядом она меня проводила. Решила, что я на неё верхом охочусь!.. Вспомнишь — вздрогнешь. Сколько мы заборов на скаку взяли, пока не ворвались на конюшню! С тех пор кони на наш луг — ни ногой, — закончил Хома. — Боятся.

— Погоди. А куда ты-то делся?

— Вот он я. Перед тобой.

— Как ты домой вернулся?

— Пешком. Туда — на лошади, обратно — на своих двоих. Или на всех четырёх. Не помню.

— Но как ты с Коня слез?

— Я не слезал. Он в конюшне так резко остановился, что я перелетел через его голову. Если б не сено... Ох, хорошо, что конюх уцелел!

— Какой конюх?

— Тот самый, который на сене в загончике отдыхал. Я ему прямо в живот угодил!

— Постой. Я понял, что ты на сено упал.

— На сено. Конюх ведь на сене лежал. Оно и смягчило удар, потому что под ним осело. А если б он на голом полу дремал, мне бы не поздоровилось.

— А с конюхом что? — ошалел Суслик.

— Да ничего. Но с тех пор, говорят, днём не спит. Мне наши местные мыши об этом рассказывали, они с мышами из дальней конюшни в дальнем родстве.

— Теперь понятно, почему к нам кони не ходят, — задумчиво проговорил Суслик. — Ты, Хома, наш луг спас.

— И ручей, — как бы нехотя подтвердил Хома. — Они ведь там себе водопой устроили. Весь берег копытами растолкли, расчавкали. Сплошная трясина.

— Всем нам повезло. Только вот Коню не повезло. Представляю, какого он страху натерпелся!

— Коню не повезло?! — Хома подскочил чуть не до самого потолка. — Коню больше всего повезло! Увидели все его невероятную прыть, и теперь он в спортивных скачках участвует, а не телеги-скрипучки возит. Я слышал, его отборным овсом кормят, щёткой чистят, губкой обтирают, мягкой попоной накрывают. Медали на шею вешают!

— А почему ты мне про свою скачку раньше ничего не сказал?

— А чем хвалиться-то? — поскромничал Хома.

— Как — чем? Кто наш луг отстоял? Кто Коня в люди вывел? Чья заслуга? — искренне сказал Суслик. — Молодец! Я тобою горжусь.

И хотя он не первый раз так говорил, Хоме почему-то было приятно это слышать. И по праву.

Заслуженная гордость!

КАК ХОМА МЕДВЕДЯ БЕЗ МЁДА ОСТАВИЛ

Только Хома проснулся, как в нору к нему Суслик влетел.

— Что там творится! Медведь исчезает! Совсем!

— Исчезает? — не понял Хома. — Совсем?

— В болоте тонет, возле ручья. По грудь увяз! Скоро совсем исчезнет, скроется с головой!

— Жаль Медведя, — встал Хома

— Ещё бы не жаль! Он у нас один такой неуклюжий, — опечалился Суслик.

— За мной! — скомандовал Хома.

Они выбрались из норы и помчались к болоту. Там, над прибрежными кустами, уже вились назойливые галки.

— А его друзья, Волк с Лисой, помогают? — на ходу спросил Хома.

— Что ты! Отказались, — затараторил Суслик, — Волк боялся тоже увязнуть, а Лиса — свою шубу испачкать. Пришли и ушли. Бросили его, беднягу!

Прибежали Хома и Суслик к болоту.

И правда Медведь тонет. Уже по шею затянуло в чёрную трясиину. Не за что Медведю ухватиться. Кусты от него далеко.

— И как тебя сюда занесло? — запричитал Суслик.

— Случайно, — заревел Медведь. Вдвойне ревел: и орал, и слезами заливался.

Находчивый Хома поскорей длинную сухую камышинку сорвал. Подобрался по кочкам поближе. И протянул камышинку Медведю.

— Это ещё зачем? — возмутился тот. — Издеваешься? Щекотать меня вздумал?

— Ты разве не слышал, что утопающий хватается за соломинку?

— Смотря какой утопающий, — обиделся Медведь. — Для Лисы, может, и сгодились бы, а мне бревно подавай!

— Если бы и было, всё равно бы не доволоч, — расстроился Хома.

— Ни за что пропадаю, — мрачно пожаловался Медведь. — Я в этом году даже и мёду ни разу не пробовал.

— Мёду? — хмыкнул Хома. Нашёл, мол, чему огорчаться!

— Мёду, — уныло подтвердил Медведь. — Увидал, пчёлы летят. Погнался за ними. Думал, гнездо с мёдом у них где-то близко. И увяз. Так и не попробую сладенького.

Тут-то Хому и осенило.

— Почему не попробуешь? — загадочно сказал он.

— А где же я его возьму — на болоте! — опять заревел Медведь жалобным басом.

Хома тоже чуть не всхлипнул. Но очень мужественно сдержался.

— Не реви. У меня в норе целый бочонок мёду зря пропадает.

— Как — пропадает? — Слёзы у Медведя враз высохли. А сам всё глубже погружается.

— Да так. Мы, хомяки, к мёду равнодушны.

— К мёду?! — изумился Медведь.

— Ага, — кивнул Хома, сидя на кочке.

— Живо сюда неси, — приказал Медведь. — Хоть попробую напоследок.

— Нести долго. Боюсь, не успею.

— Не беспокойся. Ради мёда я продержусь, — заверил Медведь.

— Мы и вдвоём, с моим Сусликом, не дотащим, — притворно вздохнул Хома. — Тяжёлый бочонок!

— Так... Что ж мне, самому идти прикажешь? — разгневался Медведь.

— А то кому же, — невинно заметил Хома. — Ну, хочешь, я Лису попрошу мой мёд принести?

— Кого? — рывкнул Медведь. — И не вздумай! Она всё по пути слопает!

Он неистово забарахтался и вдруг тяжело, но неудержимо двинулся к берегу, вздымая волны тягучей грязи и ряски.

— Слабосильная команда! Не могут, видишь ли, один бочонок — с мёдом! — принести. Всё приходится самому делать.

Наконец болото шумно, с липким чавканьем, нехотя отпустило свою добычу. Медведь на четвереньках выбрался на твёрдый берег и в нетерпении оглянулся.

— Веди! Где твой бочонок?

Но Хома не тронулся с места. Уселся поудобней на кочке и тихо сказал:

— Извини, а мёда у меня нет.

— Как — нет? — ахнул Медведь. — И не было?

— И не было, — смущённо улыбнулся Хома.

— Ах ты, жалкий врунишка! Я тебя сейчас... — Однако пойти назад Медведь не решился, ума хватило. — Попадись мне теперь!

И вперевалку направился к ручью. Мыться.

Суслик, благоразумно прятаясь в кустах, вылез и уккоризненно взглянул на Хому:

— Зачем ты его с мёдом обманул? Ему и так не сладко пришлось.

— И этот туда же! — удивился Хома.

— Не, туда я не хочу, — с опаской посмотрел на болото Суслик.

— А он хочет? — быстро вернулся на берег Хома. — Как бы я его отсюда без мёда вытянул?

Суслик раздумчиво покачал головой.

— Ясно... Да только теперь он тебе проходу на даст!

— Раз не даст, значит, живой, — рассмеялся Хома. — А меня ему никогда не догнать!

— А-а, дошло, — просиял Суслик. — А иначе бы ты его и вытаскивать не стал?

— Конечно. Стал бы я той же Лисе помогать — как же! Она вон какая приткая!

— Непременно бы отомстила, — охотно согласился лучший друг Суслик. — Знаешь, Хома, ты с виду вроде бы слабенький, зато в голове твоей — огромная сила. Медвежья!

Хома важно задрал подбородок.

А Медведь бурно плескался в ручье, отмываясь от болота, и громогласно негодовал:

— Сразу можно было понять: если кто-то не любит мёд, то откуда ему взяться! Опять без сладенького оставили. Моя доверчивость меня и погубит!

КАК ХОМА НЕ ПРОГАДАЛ

Чего только в жизни не случается! Наткнулся Хома в конце лета на беличий лесной тайничок с орехами. И даже не на один, а на целых три!

Белки, они ведь что делают? Нарвут орехов, часть съедят, а часть припрячут. Там-сям. Бывает, рядом сразу несколько тайничков-кладовочек. Чаще всего у подножия какой-нибудь сосны или высокой ели — под старыми, жёлтыми иглами.

Это их запасцы на зиму. Лесные орехи, шишки. А грибы они прямо на деревьях на сучки надевают. К зиме-то грибы хорошо подсушатся.

Видать, по тому месту, где беличьи тайнички были, Медведь прошёл, прокосолапил. И невольно разворошил давно опавшую хвою.

Полную корзину лесных орехов Хома набрал.

— С богатой добычей! — позавидовал Суслик.

Но Хома уже и не рад был такой удаче.

— А Белка обеднеет, — сетовал он.

— Да что ты! — убеждал его лучший друг. — Знаешь пословицу? Дают — бери, а бьют — беги!

— Но мне же никто не давал. Я сам взял.

— Взял и помалкивай, — советовал Суслик. — Не будь простофилей! Это я не про тебя, а про Белку. Надо так свои запасы прятать, чтобы никто найти не мог. Даже я!

— А что она зимой есть будет?

— Зимой спать надо, — внушительно сказал Суслик. — Все приличные звери зимой спят: я, ты, Ёж, Медведь. Спят, а не носятся как угорелые с ветки на ветку, чтобы согреться!

— В общем-то, верно, — приободрился Хома. — Зиму проспал, и никаких забот. Слушай, но ведь белки зимой не спят, — вновь забеспокоился он.

— Это их дело. Может, им лень спать!

— Лень? — опешил Хома. — Спать?

— Лень! — настаивал Суслик. — А если не лень, то чего ж твоя Белка не хочет всю зиму спать? Вот скажи, люблю я поесть?

— Ещё как!

— Вот. А мне иногда даже поесть лень. Лежу, есть охота, а вставать неохота. А ей — наоборот, спать неохота. И надо ей эту самую лень пересилить и завалиться где-нибудь в дупле на боковую на всю зиму. Нечего её причудам потакать! Со своими запасами она вообще никогда не уснёт, — разошёлся Суслик. — А если нет ничего, поневоле спать завалится.

— Да помолчи ты, тархтелка! — прикрикнул Хома. — Спать, не спать, охота, неохота... Тут другое. Орехи эти — чужие?

— Ну, чужие.

— Вот тебе и ответ.

— Смешной ты. Я сказал: чужие, значит, не мои. А твои.

— А были чьи?

— Ничьи! Они сами по себе выросли, если на то пошло. Белка что, сама орешник сажала? Она готовенькое рвала, и ты готовенькое нашёл. Какая разница? Ну хочешь, отсыпь мне ровно половину орехов, будем тогда переживать вместе, поровну. А то на тебя вон сколько переживаний навалилось, на одного!

— Не бывать этому! — в сердцах сказал Хома. — Зря я пожадничал.

Взвалил он корзину с орехами на спину. Отнёс в рощу, в

те же тайнички под елью орехи высыпал и хвоей прикрыл.

А Суслик и здесь от него не отстал:

— Глянь, грибочки на ветках висят, сушатся на ветерке. И маслята, и белые, и подосиновики...

— Смотри, — пригрозил Хома, — если на чужие запасы позаришься, уши оборву!

— Да я просто так, — смешался Суслик.

Внезапно по высокой ели — головой вниз — быстро спустилась шустрая Белка.

— Что вам здесь нужно? — подозрительно спросила она, сверкнув острыми зубами.

— Ничего, — попятились друзья.

— Стой! — Она быстро проверила свои тайнички. — Так... Здесь пяти орехов не хватает, тут — двух, а там — трёх! Съели?

— Не брали мы, — пролепетал Суслик.

А Хома вдруг мрачно сказал:

— Подождите. Сейчас принесу.

И вскоре вернулся с десятью орехами.

Белка их дважды пересчитала, доложила их куда надо и винтом взвилась на ель.

А оттуда крикнула:

— Попробуйте снова сунуться! Мне сверху всё видно!

По пути домой Суслик спросил Хому:

— Ты что, не удержался и немного орехов себе отсыпал?

— Не брал я ничего. Ошиблась Белка. Я свои орехи принёс.

Тут уж Суслик всласть над ним потешился.

— Что, дождался! Говорил я тебе! Так тебе и надо!

— Ничего ты не понял, — усмехнулся Хома. — Лучше десять своих орехов отдать, чем сто чужих взять. Я-то зимой спать буду, а каково ей, голодной, по деревьям прыгать!

— Но ты же прогадал, — возмутился Суслик.
— Выгадал, — возразил Хома.
— Что? Что выгадал?
— Спокойный сон. Считаю, я их на зиму ей подарил.
Представляешь, — мечтательно сказал Хома, — снег под

луной сверкает, а на самой макушке зелёной ели Белка сидит и мои орешки грызёт!

— А мы спим? — угрюмо спросил Суслик.

— Спим. А она за всех нас, лентяев, не спит. Рощу охраняет!

— Вечно ты меня расстраиваешь, — огорчился Суслик. И помчался прочь.

— Ты куда?

— Своих орешков ей отнесу! — на бегу откликнулся Суслик.

КАК ХОМА И СУСЛИК ПТЕНЦА ВЫРАСТИЛИ

Помните тот ураган, который внезапно пронёсся над Среднерусской равниной? Много он бед натворил!

Зацепил он краем и Хомины места. Правда, был ураган уже ослабевший, но тоже погулял сильно. Да ещё ночью. И по деревне, и по роще, и по полю, и по лугу.

Крыши на иных избах с одной на другую переставил. Несколько деревьев вверх корнями воткнул. Почву кое-где развеял. А ручей на минуту небрежно повернул вспять, заставив его из реки вытекать.

Всё тебе шиворот-навыворот. Разве что все норы наизнанку не вывернул.

И на том спасибо.

С облегчением вздохнул Хома. Пронесло!

Но заодно и принесло. К Хоме в нору неизвестно откуда недельного птенца подкинуло — крохотного скворчонка. А попросту, Скворушку. Такое имя ему Хома дал. В своей норе он — хозяин.

Суслик, конечно, другое имя хотел птенчику дать — Громобой. Он ещё опомниться не мог от пролетевшего урагана. Он вообще после этого долго в себя приходил.

Ещё бы! Ему-то в нору не крохотного птенца, а метровую гадюку зашвырнуло. Всю ночь он дрожал. А утром увидел, что это берёзовый корень.

Поэтому Суслик был малость не в себе. Он даже утверждал, что этот скворец — вовсе и не скворец. Скворцы, мол, чёрные, голова у них фиолетовая, а брюхо синее. А Хомин подселенец весь тёмно-бурый.

На что Хома ему раздражённо ответил:

— Ты о взрослых скворцах говоришь, а мой Скворушка ещё малец. Скворец-малец, понял? Глянь, клювик тонкий и довольно длинный, слегка изогнутый вниз. На ногах — четыре пальца. Чего тебе ещё надо от скворца?

— Ну, похож, похож, — опомнился Суслик. — Сразу и не признал. Посиди сам всю ночь с гадюкой!

— Кулик кулика́ видит издалека, — туманно заметил Хома.

— На что намекаешь? — обиделся Суслик. — Я вовсе не змея!

— Помолчи, ты Скворушку пугаешь!

— Вот ты сказал, — прошептал Суслик, — что клюв у него довольно длинный. Отчего ж ему быть довольным? Видишь, он есть просит!

И впрямь, Скворушка сидел на Хомином тюфячке, широко раскрыв клюв.

— Может, ему гороха туда насыпать? — предложил Суслик.

— Свихнулся ты от своей гадюки, — проворчал Хома и принялся распоряжаться: — Значит, так. На́ тебе горшок. Сгоняй на луг, на поле, в рощу и набери хрущей, чернотёлок, жужелиц, долгоносиков, щелкунов, гусениц — и мигом назад.

Суслик только головой покрутил.

— А ты что делать будешь?

— А я тут с ним посижу. Он ко мне уже привык.

На такой веский довод Суслик ничего не смог возразить.

— Не ленись, — крикнул ему вдогонку Хома. — Побольше набери! Я тебя знаю!

И стал устраивать Скворушке гнездо в уголке норы, выбирая из своего тюфячка самые мягкие стебельки. Потом сам из себя немного шерсти нащипал и добавил в гнездо.

Скворушка удобно устроился на новом месте и вновь широко раскрыл клюв.

— Потерпи, — строго сказал ему Хома. — Сейчас Суслик вернётся. Его только за смертью посылать!

Наконец Суслик появился. Весь мокрый от дождя.

— У входа пока постой, — приказал ему Хома, — а не то малыша простудишь.

И взял горшок.

— Что ты принёс? — вскричал он.

— Твоих долгоносиков долго искать, — виновато ответил Суслик, переминаясь с ноги на ногу у входа. — Зато дождевых червяков — уйма!

— На первый раз сгодятся, — с сомнением сказал Хома.

— Слышь, а откуда ты так хорошо знаешь, чем птенцов кормить? — спросил Суслик.

— Чем-чем... Насекомыми. Каких знал, тех и назвал.

Хома склонился над скворчонком, выбрал в горшке самого маленького червячка и, раздув щёки, подул на него.

— А это зачем? — снова спросил Суслик.

— Червяк — холодный. Не мог потеплее набрать? — проворчал Хома.

Он ловко уронил червячка прямо в раскрытый клюв птенца.

Червяк исчез, как верёвка в колодце. А скворчонок так и остался с раскрытым клювом.

Хома и Суслик переглянулись.

— Ещё хочет, — удивлённо сказал Суслик.

Хома выпустил в клюв другого червяка, побольше. И этот исчез бесследно.

— Может, хватит? — обернулся к Суслику Хома, держа над птенцом третьего червяка.

Птенец встал на цыпочки и со свистом выдернул червяка из его лапы.

— Весь в меня! — восхитился Суслик.

А Хома растерянно уставился на пустую ладонь.

— Всё! — Хома отставил горшок в сторону.

Но Скворушка требовательно задёргал шеей, по-прежнему раскрывая клюв.

— Не прокормим, — озабоченно сказал Суслик. — Я слышал, что скворцы кормят птенцов по триста раз в день!

— Что? — ахнул Хома. — А ты сколько червей набрал? — заглянул он в горшок.

— Не считал. Но много.

— Так... А сколько детей у скворцов обычно бывает? — И Хома сам себе ответил: — По-моему, пять или семь. А у нас один. Прокормим, если ты постарайся.

— Постараюсь — что? — осторожно поинтересовался Суслик.

— Постарайся, чтобы наш горшок никогда не пустовал.

И Хома резко вырвал у Суслика из бока щепотку шерсти.

— Ой-ёй-ёй! — взвыл Суслик.

— Тихо! Это для гнезда. Себя я уже оципывал, — поспешно сказал Хома.

— Лучше его родителям вернуть, — погладил свой бок Суслик.

— Какие тут родители после такого урагана! — вздохнул Хома. — Теперь мы — его родители.

Сколько забот доставил им маленький Скворушка — не счесть! Сколько седых волос он им прибавил! Сколько долгоносиков он проглотил, пока у самого нос ещё больше не удлинился! И всего-то за одну неделю.

Как не всем известно, в двухнедельном возрасте птенцы скворцов оставляют гнездо и начинают перепархивать с дерева на дерево.

Деревьев в норе не было, и поэтому он, оставив гнездо, высланное, в основном, шерстью Суслика, перепархивал с головы на голову своих приёмных родителей.

В конце концов Хома и Суслик догадались выводить его на прогулку. Иначе бы облысели.

Хома терпеливо учил Скворушку искать пищу, да ещё и Суслик его подкармливал всякими изысканными яствами вроде жужелиц и щелкунов.

Птенец рос не по дням, а по часам.

Как же беспокоились Хома и Суслик, когда ещё через неделю Скворушка стал вполне самостоятельным!

Он наотрез отказался жить в их норе и переселился к береговым ласточкам. Расширил себе брошенную норку в обрыве над ручьём. Всё же недалеко — почти по соседству с Хомой и Сусликом.

Говорил Скворушка мало. Только: «Привет!» и «Пока!»

Но зато как он пел!

Залетит к ним в гости и давай выводить рулады. В его песнях слышались и напевы других птиц, и кваканье лягушек, и мяуканье кошек, и лай собак, и даже резкое щёлканье кнута.

Он был неистощимый пересмешник. Хома до упаду хохотал, когда Скворушка передразнивал капризный голос Суслика. А Суслик катался по земле от смеха, когда Скворушка подражал ворчанию Хома.

— Вот только голосок у него слегка скрипучий, — сокрушался Суслик. — Надо бы ему горло конопляным маслом смазать.

— Не вздумай, — защищал Хома своего любимца. — А то я тебе так смажу!

Скворушка не только их весёлыми песнями баловал, но и гостинцы приносил: раздвоенные серёжки спелых вишен.

Ах, как он в стремительной туче своих собратьев налетал на вишнёвые сады в дальней деревне!

Иногда оттуда доносилось буханье выстрелов, и Хома с Сусликом тряслись от страха за своего питомца.

Но каждый раз Скворушка возвращался целым и не-
вредимым.

— Моё воспитание, — гордился Хома.

— И моё питание, — гордился Суслик.

Приближалась осень. Все скворцы собирались улетать
в Африку. Причём, в Северную.

Вот этого Суслик никак не мог понять. Он боялся, что
Скворушка замёрзнет в той Северной Африке.

Слава Богу, знакомый Дятел ему разъяснил, что на аф-
риканском севере теплее, чем на нашем юге. Только тогда
Суслик успокоился.

А перед самым отлётом скворцов чуть не случилась
беда.

Убегая от коварной Лисы, Хома вывихнул ногу и спря-
тался в густой траве. Лиса бы его, понятно, нашла, если бы
не Скворушка.

Вовремя он всё это углядел. Упал прямо с неба перед
самым носом Лисы и, приволакивая крыло, побежал в
сторону.

Лиса сразу позабыла про Хому. Тут более лёгкая добы-
ча — явный подранок.

Скворушка, тяжело вспархивая, уводил её всё дальше и
дальше от Хома.

А тем временем Хома ковылял всё дальше и дальше от
Лисы.

Всё ближе и ближе подкрадывалась Лиса к Скво-
рушке.

Всё ближе и ближе подбирался Хома к своему дому.

И когда Хома нырнул наконец в нору, Скворуш-
ка взмыл в небо, оставив Лису в дураках. Вернее, в
дурах!..

Наутро всплакнули Хома и Суслик, друг у друга слёзы
вытерли, провожая сына в далёкий полёт на юг.

Скрылась, переливаясь на солнце синим, чёрным и фиолетовым цветом, стая скворцов вдали. И до последнего мига Хоме и Суслику казалось, что они различают в ней свою родную точку.

— Ничего, — всхлипывал Суслик. — И в Африке жить можно. Даже в Северной.

И стали они мечтать о том, как пройдёт время, наступит новая весна, и уже в марте раздастся над ними милый скрипучий голосок:

— Привет, лежебоки!

КАК ХОМА И СУСЛИК КОРШУНА ОГОРЧИЛИ

Дни бывают разные. Весёлые и хмурые. Ясные и дождливые. Счастливые и несчастные. А ещё — ужасные!

В один такой ужасный день быстрый Коршун застал Суслика врасплох на лугу. Схватил за шкурку и в своё неприступное гнездо унёс. Хорошо, что Коршун сытый был. Не съел Суслика сразу. Про запас оставил.

Гнездо у Коршуна — на высоченной липе в роще. Хоть оно и из колючих веток сделано, зато всяким мягким тряпьем выстлано. Суслику в нём, конечно, удобно и мягко. Но это слабое утешение. Проголодается Коршун, и поминай как звали!

Удрать нельзя. Коршун рядом сидит. Чутко дремлет. Appetit, отдыхая, нагуливает.

Плохо Суслику. Да и Хоме не лучше. Друга потерял. Он от мимолётной ласточки узнал, что с бедным Сусликом стряслось. Как его спасти? Как?..

Можно, правда, себя Коршуну взамен предложить. Но и себя жаль. Очень!

«Всё-таки Суслик сам виноват, — тягостно размышлял Хома. — Сам попался. Почему он, Хома, должен за него отвечать?»

Но, кроме себя, пожалуй, некого больше для обмена найти. Можно было бы, конечно, беднягу на старину Ежа успешно обменять. Ёж уже старый, пожил вроде достаточно. Созрел для обмена. Только вот коршуны ежей избегают. Всем это понятно, даже Ежу. Ёж-то, наверняка, ради Сус-

лика согласился бы, потому что Коршун не согласился бы. А впрочем, и Ежа, само собой, жаль было бы отдать. Нет, не подходит Ёж!

Бесспорно, Заяц-толстун для этого лучше годится. На него охотников много. На него любого обменять легко. Одно препятствие — откажется Заяц. Увильнёт. Заверещит сразу: «Я ему не близкий друг! Сам и меняйся!»

Так ведь нельзя самому. Но разве Зайцу докажешь, что без него, Хома, Суслик всё равно пропадёт? Без Хоминых советов ему не прожить!.. Зайца нипочём не убедить. Лишь о себе думает. Да, собственно, и Зайца тоже жаль посылать к лютому Коршуну!

Придётся всё-таки самому идти. Глядишь, что-то на ходу или с ходу придумается.

И Хома направился в рощу. Плёлся и мрачно укорял себя: «Наверно, пока доберусь, уже поздно будет спасать Суслика. А быстрее идти не могу, ноги подкашиваются».

Но шёл. Хотя и медленно. Возможно, поэтому ничего путного на ходу и не приходило в голову.

Хома даже не подумал о том, что и его самого, вдобавок к Суслику, Коршун вдруг захватит. Хома в каком-то затмении от горя был. Ему такое дикое коварство и не снилось!

Коршун прямо-таки опешил, когда Хома внезапно появился под липой. Глазам своим не поверил, когда этот хомячишко жалобно провопил:

— Слышишь, Коршун, ты ещё Суслика не съел? А?

— Собираюсь, — гаркнул Коршун.

И с ходу Хома тоже ничего умного придумать не смог.

— Тогда давай... меняться! — предложил он, чувствуя, что сердце в пятки уходит.

— На что? — с усмешкой спросил Коршун.

Ему даже понравилось невиданное нахальство: уже пойманную добычу на что-то обменять хотят. Ведь неспроста говорится, что у волка из пасти не вырвешь. А у Коршуна из клюва — и подавно!

— Не знаю, на что, — замаялся Хома. — А ты... на что хочешь?

— На тебя, — недолго раздумывал, забавляясь, Коршун.

Тут и у Суслика, видать, совесть проснулась. Перегнулся он через край гнезда и кричит:

— Не соглашайся!

Слабо кричит. Неохотно. Но кричит.

— У тебя не спросился! — в отчаянии проголосил Хома. — Меняюсь!

— А я не согласен, — громко заспорил Суслик, — ты с ума сошёл!

— Ты лучше на себя погляди! Попался и помалкивай, разиня!

— Рот мне затыкаешь? — оскорбился лучший друг Суслик, забыв про всё на свете. — А разиню я тебе припомню!

Вот это и доконало Коршуна. То, что пропащий Суслик ещё и грозитя припомнить Хоме.

Много Коршун летал повсюду, но таких верных, неразлучных друзей нигде не встречал. Не видел. Можно сказать, оба у него в когтях, а ссорятся так, будто вечно жить собираются. Мало того, даже спорят о том, кому погибать, а кому оставаться!

Взял он бережно Суслика и плавно слетел с ним на землю.

— Забирай дружка, — махнул крылом Коршун.

— Пошли, ирод! — ошалело сказал Хома Суслику, боясь, что Коршун передумает.

— Скажи спасибо, что меняться отказался, — грозно произнёс Коршун, глядя на задрожавшего Суслика. — Его

бы я, может быть, и не тронул, — перевёл он хищный взгляд на обомлевшего Хому, — а тебе бы точно не поздоровилось. Прочь с моих глаз, оба! И больше не попадайтесь!

Он рассердился не столько на них, сколько на себя. На дурацкую свою доброту. Будешь добрым, пропадёшь! Одно его утешало, что он не голодный. Простительно.

Хома и Суслик улепётывали со всех ног, без оглядки, пока не очутились в норе у Суслика. Там только обнялись на радостях.

А Коршун, резко взмыв на дерево, угрюмо нахохлился и тоскливо подумал: «Хорошо в небе. Но там таких друзей не найдёшь. Слишком просторно, искать долго надо».

Вечером он, нарочито посмеиваясь, спросил у своего меньшего приятеля Кобчика:

— Интересно, если бы я Волку попался, предложил бы ты себя в обмен на мою свободу?

— Нашёл дурака! — заклекотал Кобчик.

«А он нашёл...» — с горькой завистью вспомнил Коршун жалкого, беззащитного Суслика.

Вероятно, выше дружбы нет ничего на земле. Выше только одинокий Коршун летает.

СОДЕРЖАНИЕ

К ак Хома и Суслик у Зайца ночевали	3
К ак Хома к Волку на день рождения ходил	11
К ак Хома мудрил	20
К ак Хома на Зайца охотился	24
К ак Хома что-то потерял	29
К ак Хома и Суслик страшного Змея прогнали	33
К ак Хома и Суслик домой вернулись	38
К ак Хома великую тайну открыл	48
К ак Хома в приметы верил	52
К ак Хома и Суслик с Лисой не dospорили	58
К ак Хома луг сохранил и Коня в люди вывел	63
К ак Хома Медведя без мёда оставил	69
К ак Хома не прогадал	74
К ак Хома и Суслик птенца вырастили	79
К ак Хома и Суслик Коршуна огорчили	88

И19 **Иванов А. А.**
Великая тайна Хомя и Суслика/Худож. Е. Гру-
бина. — Мн.: «МЕТ», 1998 . — 94 с.: ил.
ISBN 985-436-152-7.

В книгу известного писателя вошли новые сказки о приключениях уже ставшего знаменитым хомяка Хомя, его лучшего друга Суслика, их приятелей — проворного Волка, коварной Лисы, Сова лупоглазой, Филина-полуночника и зоркого Коршуна. Эта книга, являясь продолжением таких сборников, как «Приключения Хомя и Суслика», «Как Хома звёзды спасал», «Новые приключения Хомя и Суслика», «Большое путешествие Хомя и Суслика» и других, — тем не менее совершенно самостоятельное произведение, состоящее из отдельных, законченных сказочных историй.

Озорные, неистощимые на выдумку, по-настоящему смешные герои Альберта Иванова знакомы детям и взрослым и по ряду мультфильмов: «Приключения Хомя», «Страшная история», «Раз — горох, два — горох», «Клетка».

УДК 882-93

ББК 84(2Рос-Рус)6

Литературно-художественное издание

Иванов Альберт Анатольевич

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ХОМЫ И СУСЛИКА

СКАЗКИ

*Для детей дошкольного и
младшего школьного возраста*

Главный редактор *Е. Знак*

Художественный и технический редактор *Г. Емец*

Корректор *М. Ходыко*

Изготовление оригинал-макета *О. Войтюк*

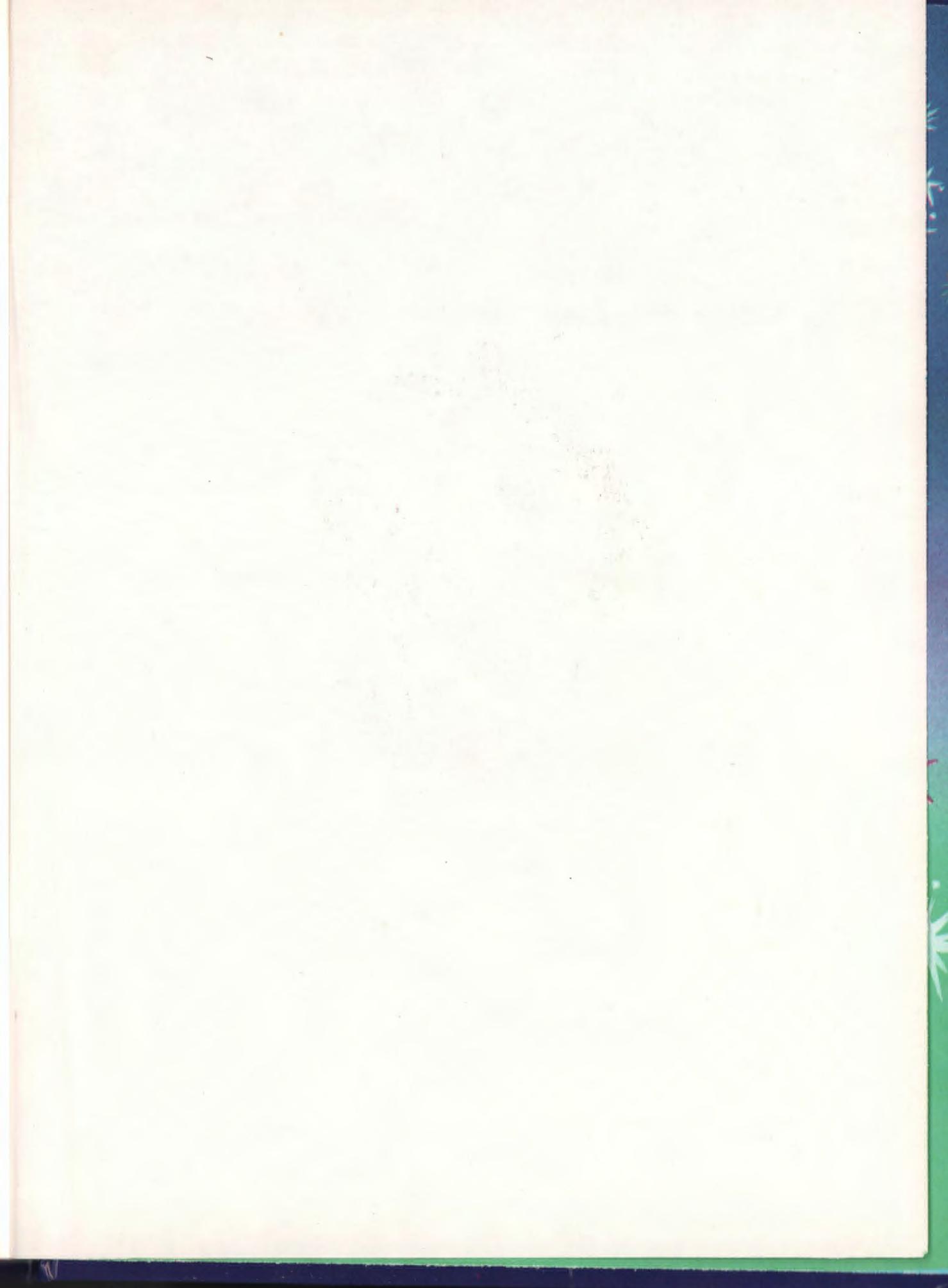
Ответственный за выпуск *М. Кислякова*

Подписано в печать 05.06.98. Формат 84x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 40,32. Уч.-изд. л. 5,48. Тираж 15000 экз. Заказ 3997.

Издатель Минская фабрика цветной печати. Лицензия ЛВ № 128 от 31 декабря 1997 г. 220024, Минск, Корженевского, 20.

Издательство «МЕТ» ООО. Лицензия ЛВ №55 от 01.10.97.220005, Минск, ул. Красная, 13. Контактный тел. (0172) 33-21-42.

Отпечатано на Минской фабрике цветной печати Госкомитета Республики Беларусь по печати. 220024, Минск, ул. Корженевского, 20.

Дорогие ребята!

Эти сказки напечатаны впервые.
Знаменитый хомяк Хома
и его лучший друг Суслик вновь встречаются
с вами в новой книге замечательного детского
писателя Альберта Иванова.
Хома и Суслик уже давно стали популярными
героями многих книг и мультфильмов,
однако, несмотря на свою известность,
они по-прежнему остаются милыми и смешными.
Готовится к изданию следующая книга
добротного сказочника А. Иванова
«Волшебный кувшин Хома и Суслика»
До встречи с новыми увлекательными
сказками.

ISBN 985-6008-77-8

9 789856 008774